सत्यात् नास्ति परो धर्मः
НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ

XXI век №6

Содержание

Номер, полностью посвященный Кришнамурти

Москва
2009

Мэри Латьенс

МАЛЬЧИК КРИШНА

Джидду Кришнамурти родился в субботу, 11 мая 1895 года, в Маданапалле, в маленьком городке на юге Индии, чуть к северо-западу от Мадраса. Его отец, Джидду Нараяная, женился на троюродной сестре, Сандживамме, которая родила ему десять детей, из которых Кришна был восьмым, и из которых к 1907 году выжило только пятеро.

Семья была из телугуговорящих индусов, принадлежащих к высшей касте, брахманам, и были строгими вегетарианцами. Их имя, которое иногда писали также Джедду (а эта фамилия не всегда ставилась перед именем), как говорят, пошло от деревни, из которой происходила семья, хотя следов такой деревни найти не удалось.

Прадед Кришны со стороны отца, выдающийся знаток санскрита и очень благочестивый человек, занимал высокий пост в юридическом отделе Ост-Индийской компании, а дед, тоже эрудированный человек, был на гражданской службе, тогда как его отец, окончив Мадрасский университет, стал официальным лицом в налоговом департаменте британской администрации, в конце своей карьеры поднявшись до положения тахсильдара (сборщика налогов) и окружного магистрата (главного судебного исполнителя), получая 224 рупии в месяц (около четырех фунтов в неделю), так что по индийским стандартам семья жила достаточно благополучно.

Семья, которая строго следовала индусской кастовой системе, жила в небольшом двухэтажном доме в Маданапалле, по аллее возле которого протекала открытая оросительная канава, поставлявшая всю воду, используемую для хозяйственных целей. Питьевая вода ежедневно доставлялась водоносами из колодца неподалеку. Они выливали ее в огромные керамические сосуды, стоявшие в центральном дворе, где сушилось белье и иногда готовилась еда. Канализацию вычищали дворники, «неприкасаемые», которые не принадлежали вообще ни к какой касте, или христиане, которые столь же презирались. Дворников не допускали в дом, кроме как для выемки нечистот, и в доме брахманов никакую еду не должны были приготовлять небрахманы. Ничто, однако, не мешало бедному брахману выполнять домашнюю работу для более богатого. Межкастовых браков не было, и никто не мог сменить касту, кроме как в следующем воплощении, когда хорошими делами он заслужит право подняться вверх по лестнице: таков был закон кармы.

Европейцы были для них наравне с неприкасаемыми. Сандживамма выбросила бы еду, если бы на нее упала тень англичанина, а если бы англичанин вошел в дом, комнаты после этого должны были быть очищены, а дети переодеты в чистое. Нараяная не мог быть столь щепетилен, поскольку на работе ему приходилось общаться с белыми и даже приглашать их к себе на веранду.

У Сандживаммы было сильное предчувствие, что ее восьмой ребенок должен стать в каком-то отношении примечательным. Сам Нараяная так рассказывал о его рождении:

«Это было в маленьком переулке, где мы жили, в Маданапалле, в доме со вторым этажом. Я переехал в этот город в конце 1894 года. Как разъездному чиновнику на правительственной службе, мне часто приходилось уезжать по делам. Вернувшись домой после одной из таких поездок 11 мая 1895 года, ближе к закату, я нашел свою жену очень радостной и счастливой, хотя она совсем скоро ожидала родов. Она сказала, что это может случиться сегодня, и я спросил её, где она предпочтет рожать: наверху или внизу.

Она ответила, что уже выбрала и приготовила комнату на нижнем этаже. Тогда я спросил ее, достаточно ли хорошо она себя чувствует, чтобы спеть мне. У нее был прекрасный мелодичный голос, и она очень любила петь. Она ответила: «Да, но давай я поднимусь наверх». Затем, откинувшись в легком кресле, она спела. После этого мы поужинали и отправились спать на почти полностью открытый верхний этаж, потому что был май, у нас обычно очень жаркий.

Около одиннадцати жена позвала меня. Мои слуги и дети все были внизу. Она сказала, что плохо себя чувствует, и попросила отнести её вниз. По нашему обычаю у нас была комната для пуджи, выделенная для медитации и молитвы, и именно в эту комнату она хотела. Обычно по вечерам после еды, а также до принятия ванны мы не входим в эту комнату. Но, поскольку она настаивала, я позволил ей этой ночью войти в комнату для пуджи. Она казалась очень спокойной и некоторое время сидела в медитации, простираясь в поклонении. Её особым божеством был Анджанайа, и она вышла оттуда, повторяя это имя. Затем она удалилась в ту комнату, которую приготовила, где наша родственница-брахманка стояла вместе с нами, помогая ей. Прямо перед родами вошла медсестра из шудр, которую прислали из больницы, а я сидел в холле перед дверью с часами в руке (это обычное правило для таких случаев). Через некоторое время дверь открылась, и наша подруга объявила: «Ширашодаям» (голова появилась). Это санскритское слово, которое используется всегда и означает то время, которое мы считаем моментом рождения. На моих часах было 12.30 ночи.* При рождении других детей моя жена очень сильно страдала, но на этот раз рождение было легким и быстрым, и она всё время повторяла: «Рама, Рама, Анджанайа».

На следующее утро послали за астрологом, Кумарой Шраутулу, который был одним из величайших астрологов в «переданных** областях». Ему сообщили точное время рождения, и он удалился в комнату для пуджи, чтобы совершить обычные религиозные церемонии, требующиеся перед тем, как приняться за дело. Когда они были выполнены, он взял бумагу и карандаш и сделал астрологические расчеты. Он сказал мне, что этот мальчик будет очень великим человеком, и на протяжении всех последующих лет, когда мы встречались, он всегда спрашивал меня: «Как там

* 11 мая 1895 года, так по расчетам индийской астрологии, которая считает день от восхода до восхода, таким образом 0 ч. 30 мин. считается еще субботой 11-го числа, тогда как по английскому счету это было бы воскресеньем 12-го числа.

** Ост-индийской компании в 1800 г. — *Прим. пер.*

мальчик Кришна?». И добавлял: «Подождите, я сказал вам правду; он станет очень удивительным и великим». Уже на другой день он опять говорил со мной на эту же тему.»*

Точная дата рождения Кришны не была известна, пока Ч. Джинараджадаса не опубликовал его гороскоп на санскрите и английском в «Теософисте» за апрель 1932 года. До того, хотя год и месяц были известны, день давался Нараянаей по-разному — как 4, 11 и 25, причем 25 принимали чаще всего. То, что опубликовал Джинараджадаса, было копией оригинального письма, написанного лично Нараянаей и отправленного им астрологу, Дж. Э. Сатклиффу, и вне всяких сомнений, показывает, что Кришна родился в субботу, 11 мая 1895 года в 12.30 ночи по местному времени (по индийскому счету).

Джинараджадаса заключил, что когда Нараяная давал неправильную дату, у него не было под рукой гороскопа или он не заботился о том, чтобы свериться с ним. Джинараджадаса также предположил, что оригинал был написан на санскрите (как и его собственный гороскоп). Сам гороскоп непонятен никому, кроме астрологов, но я не могу не процитировать одну фразу из его английского перевода: «В это гармоничное время (саттвика), наделенное верхними шестью варгами, родилась драгоценность — сын великого человека, Брахма Шри Джидду Нараяная, готры Харита — полная луна океана семейства Джидду; наделенный до последнего дня растущим процветанием, благословенный и одарённый милостью Господином богини Лакшми; в утробе-океане его супруги, Шримати Сандживаммы; наделенный доброй удачей и чистым характером».**

В течение одиннадцати дней после рождения Сандживамма и Кришна оставались вместе в полумраке; мать кормила его и укачивала в подвесной колыбели, сделанной из материи.*** На шестой день провели церемонию наречения имени (предположительно тоже в полумраке). Поскольку восьмой ребенок родился мальчиком, его назвали Кришнамурти, в согласии с канонами индуизма, в честь Шри Кришны, который сам был восьмым сыном. Это было особенно подходящее имя, потому что Сандживамма была преданной этого Бога.

Кришнамурти в возрасте примерно 6 лет

Нараяная, будучи брахманом, в течение пятнадцати лет был также членом Теософического Общества (принимающего последователей всех религий), международная штаб-квартира которого находится в Адьяре — за рекой Адьяр, к югу от Мадраса, располагаясь вдоль морского берега. Сандживамма тоже интересовалась теософией, особенно Анни Безант, видным лидером теософов, которая так много сделала для образования индийцев (Безант не была президентом Общества до 1907 года). Это известно от Кришны, когда в возрасте восемнадцати лет, летом 1913 года, он отдыхал в Варанжвилле, на берегу Нормандии, и его наставник попросил его написать сочинение на тему «Пятьдесят лет моей жизни». Кришнамурти решил сделать из него автобиографию, добавляя к нему каждый год, так что «к 1945 году я наконец оправдаю заглавие». Всё, что было тогда в действительности написано, — это около двух тысяч слов, дающих очерк его жизни до 1911 года. В этом своем сочинении он писал:

«Адьяр был для меня особенно интересен, потому что мой отец посещал там теософические собрания. Он также устраивал дома встречи для изучения теософии, и я узнал об Адьяре от матери и от него. У моей матери была комната для пуджи, где она регулярно поклонялась; в комнате были образы индийских божеств, а также фотография Анни Безант в индийской одежде со скрещенными ногами на чоуки, маленькой платформе, покрытой тигровой шкурой. Обычно, когда мои братья были в школе, я оставался дома, потому что очень страдал от лихорадки — фактически, почти каждый день — и часто шел в комнату для пуджи, где она выполняла свои ежедневные церемонии. Затем она говорила со мной о Безант, карме и реинкарнации, а также читала мне из Махабхараты, Рамаяны и других индийских писаний. Мне тогда было только семь или восемь лет, так что я не мог многого понять, но я думаю, что чувствовал многое из того, чего не мог понять».

* Этот отчет о детстве Кришны был записан в 1911 году под диктовку Нараянаи госпожой Кэтлин Тэйлор в Адьяре и подписан им в присутствии двух надежных свидетелей. Другие высказывания Нараянаи, приводящиеся здесь, цитируются из того же источника.

** Благодарю Теософическое Общество, Лондон, за присланную мне копию статьи Джинараджадасы.

***Так предположила Пупуль Джаякар, потому что таков был обычай. (Pupul Jayakar, «Krishnamurti», с. 17).

Затем у Сандживаммы родились еще два мальчика — Нитьянанд (Нитья) (30 мая 1898 г.), к которому Кришна был очень привязан, и Садананд (1902), который несколько отставал в умственном развиии.

В ноябре 1896 года Нараянаю перевели в Чудаппа, намного более крупный город, пораженный малярией. В следующий год, который был очень голодным, двухлетний Кришна заболел малярией так сильно, что несколько дней думали, что он не выживет. Хотя в 1900 году Нараянаю снова перевели в более здоровый город Кадири, Кришна много лет страдал от периодических приступов лихорадки; он также сильно страдал от кровотечений из носа. У Нитьи тоже было несколько приступов малярии. В Кадири Кришна, когда ему было шесть, как и все брахманские мальчики в начале образования, прошел через церемонию священного шнура, или упанаяну. Эта церемония отмечает их вхождение в брахмачарью, означая, что они принимают на себя все брахманские обязанности, ибо каждый брахманский мальчик рожден, чтобы быть жрецом. Нараяная так описывал это важное событие:

«В нашем обычае делать из этого семейный праздник, и друзей и родственников приглашают на обед. Когда все соберутся, мальчика купают и переодевают во всё новое. Если родители могут себе это позволить, то используется очень богатая одежда. Кришну принесли и посадили мне на колени, а в протянутой руке я держал серебряный поднос, куда были насыпаны зерна риса. Затем его мать, сидевшая возле меня, взяла указательный палец его правой руки и прочертила им в рисе священное слово АУМ, которое в санскритском написании состоит из одной буквы. Эта буква, в своём звучании, является первой буквой санскрита и всех местных языков. Затем с моего пальца сняли кольцо и поместили его между указательным и большим пальцами ребенка, а моя жена, держа его за ручку, снова прочертила священное слово буквами телугу этим кольцом. Затем, уже без кольца, эта буква была прочерчена еще три раза. После этого жрец пропел мантры и благословил мальчика, чтобы он был одарен духовно и интеллектуально. Затем, взяв с собой Кришну, мы с женой поехали в храм Нарасимхасвами, чтобы поклониться и молиться за будущий успех нашего сына. Оттуда мы поехали в ближайшую индийскую школу, где передали его учителю, который провел аналогичную церемонию, прочертив священное слово на песке. Тем временем многие друзья школьников собрались в комнате, и мы раздали им кое-что, что могло бы послужить для последующего угощения учеников. Так мы отправили своего сына на учебу согласно древнему брахманскому обычаю.»

Младший брат Кришны Нитья, который был на три года младше его, любил бежать за ним, когда тот шел в школу, желая тоже идти учиться. Нитья был настолько бойким, насколько Кришна был мечтательным и мягким; тем не менее, братья были сильно привязаны друг к другу. Часто Кришна мог вернуться домой из школы в Кадири без карандаша, доски или книги, отдав их какому-нибудь более бедному мальчику. Утром к дому приходили нищие, и в обычае было насыпать в каждую протянутую руку некоторое количество риса. Мать Кришны посылала его раздавать этот рис, но он возвращался назад за новой порцией, сказав, что высыпал всё в мешок первого человека. По вечерам, когда Нараяная, вернувшись с работы, сидел со своими друзьями на веранде, нищие приходили снова — за приготовленной едой. На этот раз слуги могли пытаться прогнать их прочь, но Кришна вбегал в дом, чтобы попросить еды для них, а когда Сандживамма угощала детей сладостями, Кришна брал только часть своей доли, а остальное отдавал своим братьям. И когда бы Нитья ни просил еще, Кришна никогда ему не отказывал.

Когда они жили в Кадири, каждый вечер Кришна и Нитья сопровождали мать в большой храм Нарасимхасвами, знаменитого своей святостью. У Кришны всегда была религиозная жилка. Удивительно, что у него также были и наклонности к механике. Однажды, когда отца не было дома, он разобрал его часы на детали и отказывался идти в школу или даже есть, пока не соберет их обратно, что ему удалось сделать удовлетворительно. Эти две противоречивые черты его натуры, равно как и его щедрость, сохранялись у него на протяжении всей жизни.

В дневниках Кришнамурти, написанных в 1973 г. и опубликованных в 1982 г., единственные сделанные им заметки о своем детстве, помимо тех, что я уже знаю из сочинения, написанного им в Варанжвилле, были следующими:

«Маленьким мальчиком он* имел обыкновение сидеть под большим деревом возле пруда, в котором росли лотосы; они были розовыми и сильно пахли. Из тени этого раскидистого дерева он мог наблюдать тонких зелененьких змеек и хамелеонов, лягушек и водяных змей. Это было приятное место под деревом, с рекой и прудом. Казалось, там было так много пространства, и в нем это дерево создавало его собственное пространство. Всё нуждается в пространстве...

Два брата (Нитья и он) могли сидеть вместе с многими другими в комнате с образами, затем было пение на санскрите, а затем полная тишина — это была вечерняя медитация. Младший брат мог заснуть, опрокинуться и проснуться только тогда, когда другие вставали, чтобы уйти. Комната была не очень большая, и в ее стенах были картины, образы святого...

К тому пруду приползали змеи, а иногда и приходили люди; там были каменные ступени, ведущие к воде... В то утро там была длинная, тонкая зеленая змея; она была утонченной и почти невидимой среди зеленых листьев; но она должна была быть там, неподвижная, ожидающая и наблюдающая. Была видна большая голова хамелеона. Он лежал на ветке и довольно часто менял цвета.»**

В 1903 году, после трех быстрых перемещений, семья опять оказалась в зараженном малярией Чудаппа. (Один из этих быстрых переводов, вероятно, был в Маданапалле, потому что в Адьярских архивах есть письмо от директора начальной школы, где заявляется, что Кришна посещал школу с сентября 1902 года до конца года). В 1903 году в Чудаппа умерла старшая сестра Кришны. Нараяная свидетельствует, что из-за этого сердце его жены было разбито. Этой девушке было всего двадцать лет, она была высоко духовной, ее не заботило ничто из того, что мог ей дать мир. Именно после ее смерти Кришна впервые продемонстрировал, что он ясновидящий. В своем варанжвилльском сочинении он написал, что его мать имела некоторые психические способности и часто могла видеть свою умершую дочь:

* В поздние годы, если он когда-либо упоминал о себе, он делал это в третьем лице.

** «Krishnamurti's Journal», с. 44-45.

«Они говорили между собой, а в саду было особое место, куда моя сестра обычно приходила. Мать всегда знала, когда моя сестра была там, и иногда брала меня с собой в это место и спрашивала, вижу ли я тоже сестру. Поначалу я на это смеялся, но она попросила меня посмотреть еще раз, и после этого мне удалось несколько раз увидеть сестру. После этого я всегда мог видеть свою сестру. Должен признаться, что я очень боялся, потому что видел ее мертвой и видел, как ее тело сожгли. Обычно я бросался к матери, а она говорила мне, что нет причины бояться. Я был единственным в семье, кроме матери, кто имел эти видения, хотя верили в них все. Моя мать была также способна видеть ауры людей, и я тоже иногда их видел».

В декабре 1905 года, когда Кришне было десять с половиной лет, а семья еще была в Чудаппа, на них обрушился страшный удар: умерла сама Сандживамма. Кришна писал в своем варанжвилльском сочинении:

«Самые счастливые воспоминания моего детства сосредоточены вокруг моей дорогой матери, которая дарила всем нам любовь и заботу, которой славятся индийские матери. Я не могу сказать, что был особенно счастлив в школе, ибо учителя были не очень добры ко мне и задавали уроки, которые были для меня слишком трудны. Мне нравились игры, если они не были слишком грубыми, поскольку у меня было очень хрупкое здоровье. Смерть моей матери в 1905 году лишила меня и моих братьев того человека, который нас больше всего любил и заботился о нас, а мой отец был слишком занят, чтобы уделять нам много внимания. Фактически не было никого, чтобы присматривать за нами. В связи со смертью матери я могу упомянуть, что часто видел ее после смерти. Помню, как однажды последовал за формой своей матери, когда она поднималась по лестнице. Я протянул руку, и мне казалось, что я схватил ее за платье, но она исчезла, как только достигла верха лестницы. До недавнего времени я слышал, как она следует за мной, когда я иду в школу. Я помню это в особенности потому, что слышал звон браслетов, которые индийские женщины носят на запястьях. Поначалу я оглядывался назад, немного испугавшись, и видел смутные очертания ее платья и часть ее лица. Так бывало почти всегда, когда я выходил из дома».

Нараяная подтвердил, что Кришна видел свою умершую мать:

«У нас в обычае брать порцию еды, приготовленной дома, и помещать на листе возле того места, где лежал умерший, и мы сделали так и для моей жены. Между девятью и десятью утра на третий день Кришна собирался принять ванну. Он пошел в ванную и, только вылив себе на голову несколько лота-Небольшой медный кувшин — прим. пер. воды, он вышел раздетый (хотя на нем была набедренная повязка) и мокрый. Дом, в котором мы жили в Чудаппа, был длинным и узким, и комнаты шли одна за другой, подобно купе в поезде. Когда Кришна пробегал мимо меня из ванной, я схватил его за руку и спросил, в чем дело. Мальчик сказал, что в ванной с ним была его мать, а когда она вышла, он последовал за ней, чтобы увидеть, что она собирается делать. Тогда я сказал: «Разве ты не помнишь, что твою мать отнесли на место для сожжения?». — «Да, — ответил он, — я помню, но хочу посмотреть, куда она идет сейчас». Я отпустил его и последовал за ним. Он прошел в третью комнату и остановился. Там было место, где сари моей жены обычно растягивали на ночь для сушки. Кришна стоял, внимательно глядя на что-то, и я спросил его, что происходит. Он ответил: «Моя мать снимает мокрую одежду и надевает сухую». Затем он прошел в следующую комнату и сел возле того листа, на который была помещена еда. Я стоял возле него несколько минут, и он сказал, что его мать ест. Вскоре он встал и пошел к лестнице. Я пошел за ним. Он остановился на полпути вверх и сказал, что больше ее не видит. Тогда мы сели вместе, и я расспросил ее, как она выглядела и говорила ли с ним. Он сказал, что она выглядела в точности, как обычно, и с ним не говорила».

После смерти своей жены Нараяная взял отпуск на несколько месяцев и ради здоровья детей вернулся в Маданапалле; вернувшись на службу, он смог остаться там до ухода на пенсию. 17 января 1907 года Кришна и Нитья были приняты в среднюю школу в Манадапалле, которую посещали до января 1909 года.

Примерно в двух милях от их дома был одинокий холм с храмом на вершине, и Кришна любил каждый день после школы туда ходить. Никто из других мальчиков не хотел составить ему компанию, потому что приходилось взбираться по крутому каменистому склону, но он часто настаивал, чтобы Нитья пошел с ним. Ему также нравилось брать своих друзей на пикники. Поскольку его отец теперь занимал довольно важную должность окружного магистрата, братья Кришны считали ниже своего достоинства нести еду на место пикника; Кришна же, у которого не было такого чувства собственной важности, мог взять еду у слуг и нести ее сам.

В конце 1907 года в возрасте пятидесяти двух лет Нараяне пришлось уйти на пенсию, которая составляла 112 рупий в месяц — половину его прежнего заработка. Тогда он написал госпоже Безант, которая только что стала президентом Теософического Общества, предлагая «службу от всего сердца и на полное время» в любом качестве в обмен на размещение на территории Адьярской штаб-квартиры его самого и его сыновей. Он сказал ей, что, будучи на службе правительства, он отвечал за 800 квадратных миль, на которых было 150 деревень, и чувствует, что мог бы управлять достаточно большим поместьем; он также сказал, что является вдовцом с четырьмя сыновьями от пяти до пятнадцати лет, а единственная его дочь, оставшаяся в живых, вышла замуж, и теперь некому присматривать за мальчиками.

Безант отказала ему на том основании, что ближе чем в трех милях нет школы, и это потребовало бы расходов, чтобы посылать туда детей в тележке, запряженной пони. Кроме того, дети вносили бы беспокойство в жизнь штаб-квартиры. Нараяная настаивал, но каждый раз получал отказ. Затем в конце 1908 года одному из секретарей Общества внезапно понадобился помощник, и он предложил взять Нараяна на эту должность. После встречи на съезде Теософического Общества в декабре 1908 года Безант наконец согласилась нанять его, и 23 января 1909 года он переехал в Адьяр со своими четырьмя сыновьями. Но поскольку на территории Адьяра не было свободного дома, семью поместили в ветхий домишко сразу за пределами территории. Старший сын, Шиварам, впоследствии ставший врачом, поступил в Президентский колледж в Мадрасе, тогда как Кришна и Нитья пошли в среднюю школу Паннапхур Субраманьян в Майлапуре, каждый день проходя пешком по три мили туда и обратно. Малень-

кий Садананд ни физически, ни умственно вообще не подходил для школы.

Уроки проводились в основном на английском, который Кришна знал очень мало. Он казался учителю таким глупым, что тот выгонял его из класса на веранду и забывал о нем до тех пор, пока не называл тупым какого-нибудь другого мальчика. Тогда-то он вспоминал о нем и впускал обратно. Почти каждый день Кришну били палкой за то, что он не выучил уроки. Иногда его забывали на веранде до самого конца учебного дня, когда Нитья выходил, обнаруживал его там стоящим в слезах и вел домой за руку.

Мальчики прибыли в Адьяр в ужасном физическом состоянии, истощенные, искусанные москитами и со вшами даже в бровях. Поначалу тетя, сестра Нараянаи, ссорившаяся со своим мужем, приходила присматривать за ними, но она была неряха и очень плохо готовила; она оставалась с ними лишь недолго, а когда она уходила, опять некому было за ними присмотреть.

Единственное удовольствие, которое оставалось у ребят — по вечерам ходить на пляж, плескаться в воде с деревенскими мальчишками и наблюдать за пловцами из Адьярской штаб-квартиры. Ее территория простиралась на большое расстояние вдоль почти пустынного песчаного пляжа, там, где широкая река Адьяр впадает в Бенгальский залив; это так называемое Коромандельское побережье.

Не прошло и трех недель после того, как Нараяная с семьей поселился в своем домике, как в Адьяр прибыл Чарльз Уэбстер Ледбитер, ясновидящий и важный лектор Теософического Общества. Он прибыл после почти семилетнего отсутствия, за время которого в Англии был вовлечен в скандал в связи с обучением мальчиков. Он вышел из Общества, но после того, как в 1907 году Безант стала президентом, она приложила много усилий, чтобы очистить его имя. И в конце концов ей удалось восстановить его положение. Он вернулся жить и работать в Адьяр, как раньше, но с тех пор уже никогда не занимал никакой официальной должности в Теософическом Обществе. Двое его молодых секретарей обратили его внимание на Кришну и Нитью, которыми они заинтересовались во время своих вечерних купаний. Тогда Ледбитер отправился на берег сам и сразу же был поражен красотой ауры Кришны, в которой, как он утверждал, не был даже следа эгоизма.

Но лишь к концу апреля он попросил Нараянаю привести Кришну в восьмиугольное бунгало, в котором он жил, рядом со зданием штаб-квартиры. Он посадил его рядом с собой на диван и положил руку на голову мальчика. А тем временем он пристально за ним наблюдал, особенно во время церемонии священного шнура для Нитьи, которая произошла беспрецедентно поздно — ему было почти одиннадцать — несомненно, по причине небрежения, в котором оказались мальчики после смерти матери.

В своем варанжвилльском сочинении Кришна писал про Ледбитера:

«Когда я впервые вошел в его комнату, я очень боялся, потому что большинство индийских детей боятся англичан. Я не знаю, в чем причина этого страха, но помимо разницы в цвете кожи, которая, несомненно, является одной из причин, могла повлиять и политическая агитация, которой было много, когда я был мальчиком, а наше воображение было возбуждено слухами, которые пошли о нас. Я должен также признаться, что европейцы в Индии обычно вовсе не бывают добры к нам, и я видел много актов жестокости с их стороны, которые усугубляли это чувство. Потому для нас было сюрпризом обнаружить, насколько другим был этот англичанин, который, кроме того, был еще и теософом».

Так закончилось индийское детство Кришны.

Некоторые дополнительные подробности о детстве Кришны, ставшие известными в последние годы, были получены из очень странного источника. Как известно каждому, кто читал историю Кришнамурти, летом 1922 года он прошел через интенсивный трехдневный духовный опыт, полностью изменивший его жизнь. В то время он вместе с Нитьей жил в долине Охай в Калифорнии, в коттедже, снятом для них американской теософкой Мэри Грэй рядом с ее собственным домом. У Нитьи случился рецидив туберкулеза, которым он страдал с весны 1921 года, и братья по пути из Сиднея в Швейцарию остановились в Калифорнии, а долину Охай им посоветовали как имеющую столь же целебный климат для этой болезни, как и Швейцария.

Они прибыли в Охай 6 июля 1922 года и нашли это место раем. Вскоре после этого с им встретилась Розалинда Вильямс, американская девушка девятнадцати лет, которая гостила у миссис Грэй, и они стали близкими друзьями. Она особенно хорошо влияла на Нитью, который делал всё, что она ему говорила, хотя бывал очень раздражительным, когда Кришна пытался его успокоить. Розалинда с согласия своей матери осталась у миссис Грей и каждый день ходила в коттедж к Нитье как неофициальная няня.

Розалинда и была с братьями, когда между 17 и 20 августа Кришна пережил тот самый опыт.* Также с ним был и А. П. Уоррингтон, генеральный секретарь Теософического Общества в Америке, который первым и порекомендовал братьям долину Охай и сам имел коттедж в долине неподалеку.

Через две недели после этого, 3 сентября, у Кришны и началось то, что Нитья называл «процессом». Это была ужасная боль в разных частях тела, но в основном в голове и позвоночнике, которая регулярно появлялась каждый вечер в 6 часов 30 мин и длилась около часа (во время ранее пережитого трехдневного опыта было очень мало боли). Но во время этих сессий в теле оставалось очень мало сознания Кришны, если оно оставалось вообще — всё, что в нем оставалось и переносило боль, это «физический элементал», как называл его Нитья. Это та часть тела, которая контролирует его инстинктивные и чисто физические действия, когда высшее сознание удалено. Было сказано, что физический элементал, как говорили, был на низкой стадии эволюции и требовал постоянного руководства.

Каждый вечер при «процессе» снова присутствовали Нитья, Розалинда и Уоррингтон, но теперь Кришна принимал Розалинду за свою мать. Эти ночные происшествия с вариациями продолжались до конца декабря.

В эти три недели Нитья, чья жизнь тоже полностью изменилась после трехдневного августовского опыта, каждый день записывал состояние Кришны, а когда «процесс» наконец остановился, свел свои заметки вместе, чтобы иметь связную запись всего случившегося для отправки ее Безант и Ледбитеру. Эти записи составляют сорок семь машинописных страниц четвертного формата. Поскольку Нитья сам не умел печатать,

* Отчет об этом был впервые опубликован в книге «Кришнамурти: годы пробуждения» — M. Lutyens. «Krishnamurti: The Years of Awakening».

кто-то должен был напечатать их для него — предположительно, старшая сестра Розалинды, теософка, но записи подписаны почерком Нитьи: «Нитья. 11 февраля 1923 года».

И Кришна, и Нитья считали, что «процесс» был существенно важен для приготовления тела Кришны к принятию Господа Майтрейи, Мирового Учителя, и его ни в коем случае нельзя останавливать или прерывать. Кришна не помнил ничего из случившегося, когда он был без сознания, но когда мучительный процесс завершался и он «возвращался назад», он мог пить молоко, сидя с другими (все это время вечером он не ел) и желал узнать, что происходило во время его «отсутствия». Тем не менее, хотя он не помнил о мучительной боли, которую пережило его тело, само тело от нее страдало, и Кришна со временем становился всё более усталым и истощенным. Нитья тоже физически страдал от того, что ему приходилось видеть такую боль, и Розалинда тоже начала чувствовать напряжение.

Вечером 6 октября после обычного сеанса страданий имело место новое явление. Как обычно, Кришне было несколько трудно вернуться в сознание. Нитья записал:

«Мало-помалу энергия начала к нему возвращаться, и он начал говорить слабым шепотом. Постепенно его голос становился сильнее, и когда мы смогли разобрать, что он говорит, мы с удивлением осознали, что говорит не тот Кришна, которого мы знали, а Кришна-ребенок, мальчик четырех лет, а может, и меньше. Он говорил на хорошем английском, но как ребенок, просто, и он говорил о ранних днях своего детства, снова переживая его сцены; он видел три разных сцены своей ранней жизни, и когда он рассказывал о них, мы почти что могли видеть их сами — столь живыми были его чувства и выражения. В первой сцене его мать рожала ребенка. Это был для него страшный шок. И с каждой конвульсией, которую он видел, он стонал и кричал, как это должна была делать она. Снова и снова он говорил: „О бедная мама, бедная мама, ты храбрая, мама“. Затем он некоторое время помолчал, и тут сцена изменилась. Мы оба лежали больные малярией, Кришна и я. Кришна, увидев нас, был очень поражен видом бедных, тощих тел, страдающих от приступа малярии, с животиками, раздувшимися от того, что они съели слишком много риса. Последней сценой была смерть его матери. Он не мог понять, что происходит; он думал, что она больна, и когда увидел, что врач дает ей лекарство, он пришел в негодование. Он начал умолять свою мать: „Не принимай это, мама, не принимай, это какая-то зверская вещь, и от нее тебе не будет ничего хорошего, пожалуйста, не принимай, доктор ничего не знает, он грязный человек, пожалуйста, не принимай это, мама“. И когда наконец она приняла это, он сказал: „Мама, они дают тебе ужасную пищу, они убивают тебя, мама“. А чуть позже, с выражением ужаса, он сказал: „Почему ты так неподвижна, мама, что случилось, и почему папа закрывает свое лицо своим дхоти? Ответь мне, мама!“. И всё это время он ожидал ответа от Розалинды. Но объяснить ему смерть было для нас такой сложной задачей, что мы осторожно разбудили его после того, как он перестал говорить о том, что он видел. Но пока он не проснулся, он был, как четырехлетний ребенок, даже голос у него был детский, и он говорил о себе как о ребенке».

На следующую ночь в конце процесса он снова стал ребенком и говорил о своем детстве:

«Должно быть, он испытывал отвращение к школе, потому что всегда просил: „Мама, мне не нужно идти сегодня в школу, не нужно? Я ужасно болен, мама“. А когда она осознавала, что это отговорка, он говорил: „Мама, позволь мне остаться с тобой, я сделаю всё, что ты хочешь. Если хочешь, я приму касторку, но разреши мне остаться с тобой“. Его отвращение к школе было столь же велико, как его любовь к храмам.

Когда ему удавалось избежать школы, он просил, чтобы его взяли в храм. Внезапно он говорил матери: „Мама, у меня в кармане много маленьких печений, они ужасно хороши“. Розалинда сказала, что рада, что они ему нравятся. Это его очень удивило: „Мама, ты знаешь, ты ведь спрятала коробку с печеньем от нас, я украл их оттуда, я делаю это уже очень давно“. Розалинда старалась стать серьезной, а если ей не удавалось сдержать свой смех, как иногда бывало с нами обоими, он бывал очень обижен и говорил: „Мама, ты всегда смеешься надо мной. Почему ты смеешься надо мной?“. Так что Розалинда серьезным голосом спрашивала, как он думает, хорошо ли красть, и добавляла: „Почему ты говоришь мне это только сейчас, если ты делал это так долго?“. Но его ответ почти сбил с нее всю её серьезность: „Ты видишь, мама, коробка уже почти пустая, и ты уже долгое время подозревала меня, так что я подумал, что лучше будет тебе сказать“. Позже, поболтав много о змеях, щенках и нищих, он говорил о том, чтобы пойти в храмовую комнату, где он видел картину с женщиной, сидящей скрестив ноги на тигровой шкуре. Я смутно припоминал, что это могло быть изображение Безант, и я предложил эту версию. Кришна не знал ее имени. „Кто это? — спросил он. — Она похожа на кого-то, кого я знаю, только она выглядит не так, она совсем другая“. Затем он постепенно проснулся, но даже после этого, если он был близко к Розалинде и она касалась его, он мог впасть в забытье и опять говорить о матери; его голос изменялся. Быстрота, с которой он мог покидать тело, была необычайной».

Теперь я сведу воедино всё, что записал Нитья о детстве Кришны, опуская более длинные фрагменты, в которых описываются его страдания:

«Усилия по возвращению в тело заставляли его дрожать и трепетать долгое время. Эта дрожь так его изматывала, что он потом лежал неподвижно, не в силах говорить или сделать какое-либо движение. Вскоре, когда он начинал говорить, это говорил ребенок, и, поговорив о своем детстве около тридцати минут, он просыпался. После ночи 5 октября это стало обычным порядком событий. Сначала медитация до шести; а когда он с нее приходил, Розалинда была с ним около десяти минут; затем сильная боль и вздохи, а после этого наступал период, когда Кришна был вне тела и мог говорить только элементал.* Затем к 7.30 Розалинда шла в комнату, и дрожь и конвульсии начинались; к 8 часам он мог стать ребенком и мог говорить до тех пор, пока не хотел проснуться, при этом он говорил: „Мама, буди меня, Нитья должен идти в кровать“. Он мог говорить о своем детстве це-

* Послание и инструкция могли передаваться через «физический элементал» собственным, взрослым голосом Кришны от неизвестных, невидимых существ, которые, по-видимому, присматривали за ним, чтобы тело не подверглось такому напряжению, которого оно уже не могло выдержать. Нитья и Розалинда слышали, как Кришна сам разговаривал с этими существами.

лый час, а иногда даже дольше. Кришна вообще-то не очень разговорчив, но когда он становился ребенком, поток слов был необычайный. Нам, конечно, было очень интересно, что он скажет, так что иногда эти разговоры продолжались до 10. Мы узнали многое о характере Кришны в детстве и его тогдашних интересах... 13-го было очень мало боли. Вначале он немного постонал, но затем была полная тишина, продлившаяся до 7.30. Мы с Розалиндой сидели снаружи, ждали, когда он проснется. Когда он позвал свою мать, Розалинда вошла, и он сразу же начал говорить с нею, как ребенок, полный бесчисленных вопросов, которому много что есть сказать ей... Этой ночью (14-го), когда он стал ребенком, мы узнали, что он видел фей и что была одна особая фея, с которой они очень подружились и которая часто приходила с ним играть. По-видимому, эта фея была очень красивой и имела прекрасное одеяние. Но из уважения к Кришне, когда она приходила играть с ним, она делала себя некрасивой, „в точности, как я", как выразился Кришна. Он много рассказывал об этой фее и об играх, в которые они играли вместе. 15-го, 16-го и 17-го были мирные ночи, практически без боли. Он рассказывал, как ушел далеко, где ему было очень одиноко. По мере снижения боли он становился ребенком на всё более долгие периоды. В этом его перепроживании детства была некоторая последовательность. В одну ночь он говорил о путешествии в повозке, запряженной быками, а на следующий день он говорил об этом путешествии как закончившемся три или четыре дня назад. Была ли эта связность прогрессивной или регрессивной, я сказать не могу. Он говорил обо мне как о маленьком ребенке, который едва мог ходить и о котором надо было заботиться, и всё это было смешано с идеей о моей теперешней болезни и необходимости отдыха... Ночь 20-го зафиксировала определенный конец страданий... Следующие несколько ночей Кришне велели отдыхать. Мы думали 26-го поехать в Голливуд. Ему сказали, что это хорошо, но сначала ему надо полностью отдохнуть. Так что 21-го, 22-го, 23-го, 24-го и 25-го Кришна отправлялся в постель в 6.30 вечера, сразу же после медитации. Розалинда садилась с ним, и на два часа и даже больше Кришна опять становился маленьким мальчиком, продолжая ту нить разговора, который шел у нас все время. Иногда Розалинда говорила: „А теперь, Кришна, иди немного поспи". Несколько минут он лежал тихо, а затем говорил: „Можно я поговорю, мама, можно? Тебе не нужно слушать меня, если ты не хочешь, но я люблю говорить". И он начинал снова. Однажды он рассказал нам, что его подружка-фея была большая болтушка, и мы в шутку спросили его, кто же говорил больше: фея или он сам. Он ответил, что спросит фею и ответит через день. На следующую ночь мы забыли наш вопрос, но он помнил. Он сказал: „Ты знаешь, мама, фея говорит больше, чем я — я всё время слушаю". И так за последующие пять дней мы узнали о жизни ребенка Кришны. Один из замеченных нами любопытных фактов был следующий: у Кришны не было воспоминаний о том, что происходило в течение дня. Он мог спросить: „Мама, почему ты уходишь днем? Днем ты со мной никогда не говоришь". И он начинал упрекать ее за то, что она его так оставляет».

26-го они были в Голливуде, и до 9 ноября по вечерам ничего не происходило. Но 10-го вечером Кришна опять потерял сознание и превратился в ребенка. Он попросил Розалинду рассказать Кришне, что это может случиться и в любую другую ночь. До 5 декабря Кришна становился ребенком каждую ночь; это прекратилось, потому что Розалинда больше не могла с ним быть, так как ей должны были сделать небольшую операцию носа. 9 декабря они вернулись в Охай и до 7 января повторений вечернего процесса не было. 7-го и 8-го по вечерам он на два часа опять становился ребенком. Это был последний случай.

Хотя маленький мальчик Кришна, говорящий детским голосом, появлялся и во время других сеансов в разные времена и в разных местах, принимая двух других девушек за свою мать, он уже больше никогда не выдавал никаких воспоминаний о своем детстве. Он просто обращался к этим девушкам «Амма», то есть так, как он звал свою настоящую мать. Удивительно, что в этот последний раз он назвал Розалинду «Mother», но это мог быть просто перевод, сделанный Нитьей.

Впоследствии Кришну часто спрашивали, как он думает, что бы случилось с ним, если бы он не был «открыт» Ледбитером. Он без колебаний отвечал: «Я бы умер». Есть лишь одно опубликованное им воспоминание им своего «открытия» — в его дневнике от 1973 года, с. 26:

> «Он (Кришна) стоял там, никого вокруг, он один, ни к чему не привязанный и далекий. Ему было четырнадцать или меньше (фактически пятнадцать). И весь этот шум и внезапная важность, свалившиеся на него, были вокруг. Он был центром уважения и преданности, и в будущие годы должен был стать главой организаций и собстввенником больших владений. Всё это и роспуск этих организация были еще впереди. Тамошнее одиночество, потерянность и странная отчужденность были первым и неизгладимым воспоминанием этих дней и событий».

ИЗ МЫСЛЕЙ КРИШНАМУРТИ

Поскольку человек не знает своего назначения, он в состоянии неуверенности и хаоса. Поскольку он не решил свою собственную проблему, не решена и проблема мировая.

Индивидуальная проблема — мировая проблема. Если человек несчастен, недоволен, неудовлетворён, тогда и мир вокруг него в печали, недовольстве и невежестве.

Поскольку человек забыл, что истинное назначение его существа — культивировать счастье в себе и окружающих, происходят смятение и хаос, а его действия только вносят дополнительный вклад в этот хаос.

Следование авторитету — одна из причин страха.

Чтобы ясно мыслить самому, нужно, чтобы для вас не было авторитета.

Ариэль Санат

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ КРИШНАМУРТИ
(Выдержки из книги)

Из введения

Джидду Кришнамурти — пожалуй, самый существенный иконоборец XX столетия. Хотя он стойко отрицал отождествление с любой особой философией, религией или психологической школой, его преображающие прозрения глубоко повлияли на многих людей, и фактически, на сам век. Хотя некоторые пытались написать его историю, никому, похоже, не удавалось рассказать всё. Полная история Кришнамурти никогда не может стать известна. Что я попытался здесь сделать — так это исследовать несколько неизведанных фрагментов мозаики-головоломки, которую нам задала его жизнь и работа, а особенно его эзотерическая жизнь — предмет, который до сих пор был засекречен.

Отчасти причина молчания, которым была окружена внутренняя жизнь Кришнамурти, состояла в том, что большинство из тех, кто интересовался его жизнью и работой — включая писавших об этом, — воспринимали его как безоговорочно противостоявшего всему, что хоть как-то связано с эзотерическими учениями. Действительно, во многих своих выступлениях и работах Кришнамурти решительно настаивал на том, что оккультные мистификации являются легкомысленными или опасными способами растраты энергии. Он часто говорил, что такая энергия должна быть направлена на задачу понимания себя и *того, что есть,* без всяких экранов, предоставляемых самообусловленностью. Он неоднократно подчеркивал, что если человечество хочет получить духовно осмысленное будущее — или будущее вообще — должно произойти радикальное изменение, которое таким пониманием и может быть достигнуто.

Далее, больше шести десятилетий, в течение которых Кришнамурти учил, он заслужил репутацию разоблачителя пустоты и опасностей всех систем веры, в частности и тех, что основаны на психических или оккультных учениях. В свете этой публичной позиции люди, знакомые с работой Кришнамурти, могут найти удивительным, что его частная жизнь была богата на эзотерические события, происходившие с раннего детства до самой смерти. Несомненно, что лишь проникновение в суть и наблюдения за работой Кришнамурти в конечном счете имеют значение, как он подчёркивал сам и как подчёркивается в дальнейшем обсуждении. Тем не менее, тот факт, что его личная жизнь была столь насыщена эзотерическим, интригует, особенно если учесть, что это касается и того периода, когда публично он так энергично противостоял оккультным учениям.

Ещё важнее, однако, то, что понимание внутренней жизни Кришнамурти существенно важно для ясного понимания более глубоких аспектов того, чему он учил. Кришнамурти сам указал на это (что раскрывается в частях II и III). Любой, кто сочувствует прозрениям и наблюдениям Кришнамурти, таким образом, оказывается в незавидном положении: отметать его эзотерическую жизнь как продукт какого-то видения, заблуждения, или галлюцинации — значит признать отсутствие связности и разумности того, что он говорил в своих речах и книгах.

И всё же большинство авторов, писавших о Кришнамурти, отметают эзотерический элемент, присутствовавший в его жизни, приписывая это галлюцинациям, заблуждению, видениям или выдумками со стороны свидетелей, а часто и самого Кришнамурти. Однако эти попытки настоять на разделении между Кришнамурти и эзотерическими учениями могут происходить от неверного понимания природы и цели эзотеризма. Из-за глубоко укоренившихся предубеждений относительно эзотеризма и того, что Кришнамурти о нём говорил, я начинаю первую часть со взгляда на вечную философию и её принципы, особенно в их касательстве к жизни и деятельности Кришнамурти.

Вероятно, самый интригующий аспект моей оценки эзотерической жизни Кришнамурти имеет отношение к вопросу о том, реальны ли, а если да, то в каком смысле, те наставники, которые заботились о нём в молодости, и которых и теософы, и он, называли Учителями. Хотя эзотерическая традиция часто говорит об Учителях в контексте мифов, они, как также говорят — мужчины и женщины, которые являются хранителями и толкователями вечной философии. Обычно верят, что Кришнамурти отрицал существование этих Учителей и то, что он является проводником (средством проявления) Господа Майтреи, как заявляли его наставники из теософов. Части II и III вполне доказывают, что Кришнамурти не отрицал ни того, ни другого. Фактически, главное открытие нашей работы — в том, что Учителя и Господь Майтрея были для Кришнамурти реальностью, причём, по-видимому, каждый день его жизни с тех пор, как в юности он впервые встретил их.

Часть III также рассматривает некоторые из более глубоких, философских аспектов духовных переживаний Кришнамурти, особенно в их касательстве к будущему человечества. Хотя у Кришнамурти не было никакой системы, никакого метода, никакой метафизики, и весьма определённо он не был философом в узком, академическом смысле, его работа, как я считаю, представляет собой самую лучшую и глубокую философию, какой только достигал XX век. Подобно Сократу, он был чистым исследователем *того, что есть.* < ... >

Для многих изучающих движение нью-эйдж, равно как и для исследующих Кришнамурти — не говоря уже об академической науке в целом — открытия, сделанные в этих страницах, вероятно, будут весьма спорны. В своей работе я попытался исследовать свидетельства — что говорил Кришнамурти об этих вопросах, что сообщили свидетели событий его жизни, и что открывают хорошо задокументированные отчёты о его опытах и прозрениях, — с целью выяснения истинной природы его эзотерической жизни. То, что вы здесь найдете, в значительной степени результат десятилетиями продолжавшихся обширных и интенсивных бесед с людьми, придерживающихся самых разнообразных и даже взаимно исключающих точек зрения на Кришнамурти и его подход.

В задачу книги не входило представить всестороннюю биографию Кришнамурти. Но проследить за большой частью того, что сказано здесь, можно и без предварительного знакомства с его жизнью. Однако я предупреждаю читателя, что знакомство с тем, что было издано о жизни и деятельности Кришнамурти, обеспечит полезную основу для понимания обсуждаемых вопросов. Если не касаться странных случаев его жизни, есть огромное количество изданного материала, который имеет отношение к нашей теме (что демонстрирует обширная

библиография). Среди самых полезных первоисточников — это «Биография Кришнамурти» Пупуль Джаякар[1] и четыре тома воспоминаний Мэри Латьенс. Другие книги по жизни и деятельности Кришнамурти, некоторые полезные, а другие — имеющие разные недостатки, упомянуты в концевых сносках для тех читателей, которые желают далее исследовать темы, которые я обсуждаю.

Однако поскольку Кришнамурти был революционером в самом глубоком смысле этого слова, полагание на чьи-либо объяснения или толкования его жизни или слов никак не будет лучшим методом. Если вы хотите дать себе возможность понять Кришнамурти, вы должны обратиться к самому источнику. В качестве того, с чего можно начать, я бы настоятельно рекомендовал бы «Первую и последнюю свободу» Кришнамурти и его трехтомные «Комментарии о жизни».[2]

Когда Кришнамурти был мальчиком, его обычно называли «Кришной». Позже многие назвали его «Кришнаджи», что в Индии считают и ласковым, и почтительным обращением. В последние два десятилетия своей жизни он часто проходил под именем «К». В тексте используются все эти названия. < ... >

В заключение скажу, что нижеследующее является результатом более чем тридцати лет исследований. Хотя вёл его в духе непредвзятости, стараясь, чтобы ход его направляла только истина, куда бы оно в результате ни зашло, в него могли вкрасться разного рода ошибки. Ошибки в фактах, если таковые будут найдены, могут быть легко исправлены конструктивной критикой, за которую буду только благодарен. Я уже получил немалую пользу от такой критики и выражаю благодарность лицам, которых упомянул в уведомлении. Куда труднее, хотя и важнее в плане последствий, указать ошибки, которые я, возможно, сделал в своих оценках обсуждаемого материала. Потому я должен внести ясность — я не собирался лить воду на чью-то мельницу или действовать против каких-либо лиц или организаций, упомянутых здесь, включая самого Кришнамурти. Всякий кто в следующих страницах ищет себе евангелие, будет разочарован: эта книга — в сущности исследование фактов, касающихся внутренней жизни Кришнамурти, а не продвижение какой-либо идеи или группы.

Я не последователь и не «обожатель» Кришнамурти, если под этим понимать, обожествление его самого или его учения, или полагать, что он не мог говорить ничего неправильного. Несмотря на природу большой части материала в этой книге, я считаю, что Кришнамурти был человеком, пусть и исключительным, и так же был способен на человеческие ошибки. Я также не отождествляюсь ни с какой особой школой, организацией или учением, и не имею крена в сторону какого-либо из них.

Вы можете принять последующее как часть продолжающейся, дружественной беседы о том, кем же был Джидду Кришнамурти. Я прошу читателя, как часто советуют в судах, воздержаться от суждений, пока не будет выслушано всё дело. Внутренняя жизнь Кришнамурти — очень странная история, и не в последнюю очередь потому, что более пяти десятилетий он по большей части держал её в секрете. В ней есть моменты, критически важные для понимания и его жизни и работы. Но в равной степени это существенно важно и для нашего понимания теософии, буддизма, учения Гурджиева и вечной философии — фактически, всей современной духовной среды.

С этой преамбулой давайте начнём.

Из части II:

Непонимание миссии Кришнамурти

На протяжении всей своей жизни Кришнамурти много раз упоминал факты своей биографии, тесно связанные с Учителями. Есть свидетельства, прямо говорящие, что они никогда не отрицал их существования и своего контакта с ними, и даже не отрицал того, что он был средством проявления для Господа Майтрейи. Тем не менее, со времени роспуска Ордена Звезды 3 августа 1929 г., многие верили, что этот его шаг означал, что он отказался от своей миссии или места проводника Мирового Учителя.

Например в 1934 г., через пять лет после разрыва своих официальных связей с теософами и роспуска Ордена Звезды, Кришнамурти получил письмо от Эмили Латьенс. Она была во всех отношениях самым близким для него тогда человеком, и оставалась близкой ему до самой своей смерти в 1964 г. В своём письме она заявила, что он теперь отрицает роль Мирового Учителя. В своём ответе Кришнамурти сказал: «Я никогда не отрицал её, а всего лишь сказал, что не имеет значения, кто и что я, а им нужно исследовать, что я говорю — что вовсе не значит, что я отрицаю, что я Мировой Учитель.»[3]

Ко времени этой переписки Эмили Латьенс уже 20 лет была лектором Теософического Общества и находилась в тесном контакте с основными лидерами движения. Кришнамурти называл её «мамой», что указывает на близость их отношений. Так что она была вполне в курсе его работы и всего прочего, связанного с ним. Она также много раз была свидетельницей происходившего с ним «процесса». И если даже она могла оказаться в таких непонятках насчёт Кришнамурти, то не удивительно, что люди, просто слышавшие его выступления или читавшие его книги тоже находились в заблуждении. Её неверное убеждение могло происходить из длившейся всю жизнь преданности системе верований и практик (в её случае — теософии). То есть, как и многие другие, она вверилась первенству аналитического ума. И в то же время она признавала, что от Кришнамурти идёт что-то очень глубокое, и испытывала сильную любовь к нему.

Подобное непонимание возникало ещё легче среди многих из тех, кто окружал Кришнамурти в последние десятилетия его жизни, ведь его поздним друзьям неоткуда было узнать о его богатой внутренней жизни и самой значительной (из пока что известных) попытке, предпринятой учителями вечной мудрости. В отличие от его друзей-теософов, те ничего не знали об Учителях и полагали, что Кришнамурти отрицает существования *любых* таких учителей. То же непонимание распространялось многими писавшими о Кришнамурти, которые, похоже, не были способны видеть собственные замечание Кришнамурти о значении своей эзотерической жизни, кроме как через очки собственных предубеждений.

Вносило в это вклад и собственное отношение Кришнамурти к своей внутренней жизни. Для него она была чем-то крайне серьёзным и даже святым. Потому он не хотел и не мог говорить о ней и позволять ей становиться материалом для мельниц аналитического ума. Настолько глубоко он сопереживал человеческому состоянию, что иногда был готов скорее сам присоединиться к легкомысленным шуткам, чем принижать священное, позволяя ему быть искажённым.

Об учителях, авторитетах и замешательстве

Для людей обычным делом является настаивать на том, что нужно обращаться к кому-либо как к авторитету, чтобы тот говорил, что им делать в их духовной или психологической жизни. Они, похоже, не в состоянии понять тот простой факт, что вне их нет никого, кто мог бы быть ответственным за то, что с ними происходит. Несмотря на полную ясность, которую Кришнамурти внес относительно опасности и бесполезности вверяться авторитету в психологических и духовных вопросах, люди продолжали осаждать его вопросами об их предполагаемой необходимости в таком лидере. Часто они хотели поставить его в такое положение, или хотели, чтобы он подтвердил какой-нибудь другой духовный авторитет, которому они выбрали следовать.

В первые десятилетия его деятельности к нему приходили в основном теософы и такие люди как ранние последователи нью-эйджа. Они хотели, чтобы он стал их гуру или ожидали от него, по меньшей мере, что он подтвердит их необходимость в учителе или наставнике в духовных или психологических вопросах. В 60–70х годах его аудиторию составляли молодые люди, которые обретали своих духовных лидеров среди гуру, пришедших в Америку из Азии. (Немногие из них осознавали, что приход азиатских гуру был результатом возрождения вневременной мудрости, которая по всему миру открывалась широкой аудитории). Их вопросы были во многом теми же, что и вопросы теософов, задававшиеся с 1920-х годов. С 70-х годов и до смерти Кришнамурти в 1986 году ему задавала вопросы более интеллектуально утончённая толпа, те люди, которые верили в целителя как водителя их внутренних жизней. Они спрашивали о необходимости в психологическом и духовном наставнике и лоббировали идею такой необходимости. Всё это время индийцы, для которых отношения учителя и ученика является частью их культуры, тоже задавали аналогичные вопросы. Все эти люди — от духовных до идеалистов и интеллектуалов — были одинаково в замешательстве, несмотря на простоту, с которой Кришнамурти говорил на эти темы.

То, что говорил Кришнамурти, в простом виде можно изложить так:

- Он говорил, что обращение к авторитетам в психологических и духовных вопросах и бесполезно, и опасно.[4]
- Он говорил, что для психологических и духовных наставников есть место, но их функция исключительно в том, чтобы указывать в верном направлении. Настоящий учитель не имеет авторитета, точно так же, как указательный палец тоже не имеет авторитета, как бы ни был он полезен нам при подходящих обстоятельствах.[5]
- Он говорил, что передатчики вечной вневременной философии, которых теософы называют Учителями, *существуют*, он избегал много говорить о них, но их присутствие в его жизни очевидно из архивных материалов и книг о его жизни.[6]
- Он всё время говорил так, как если бы он сознавал присутствие этих учителей ежедневно, и как если бы он знал, что является проводником для учения Господа Майтрейи.

Несмотря на эту ясность, люди, окружавшие Кришнамурти с конца 40-х годов до его смерти, демонстрировали то же самое замешательство и сопротивление относительно того, что он говорил о своей внутренней жизни, как они это делали и относительно того, что он говорил о психологическом и духовном авторитете. Похоже, им хотелось верить, что Кришнамурти не мог иметь никакого отношения к чему-либо эзотерическому. Основываясь на этой вере, они, по всей видимости, игнорировали, подавляли, или давали окольные интерпретации тому, что действительно имело место — ведь сейчас эти факты имеются различных воспоминаниях и личных свидетельствах тех, кто его знал. Они аналогично игнорировали все упоминания в трудах Кришнамурти, касающиеся важного места учителей в жизни людей. Это отношение и отношение тех, кто жаждет духовного авторитета, оба происходят из обусловленности человека. Люди отказываются видеть то, что в действительности происходит, или слышать то, что в действительности говорится, потому что факты не вписываются в их предвзятые представления.

Начиная с 60-х годов в разговорах с теми, кто был с ним близко связан, Кришнамурти начал подтверждать свою миссию, как проводника для Господа Майтрейи, хотя еще редко говорил это на публике. Например, Дэвид Бом, который больше известен своей эпохальной теорией порядка, присущего Вселенной, чем близкой дружбой с Кришнамурти в течение их двух последних десятилетий их жизни, после смерти Кришнамурти, давал такое объяснение:

> «По моему пониманию, Кришнамурти рассматривал себя как выражение того, что мы могли бы назвать священным или Вселенной, космосом, — того, что есть источник творческого разума, который непроявлен и за пределами времени, который есть основа всего, что существует, и он считал, что он сам неким уникальным способом выражает это через себя на данной стадии человеческой истории».[7]

Книга Мэри Латьенс «Годы пробуждения», опубликованная в 1975 году, вызвала большой шум в кришнамуртийских кругах и очень озадачила его последователей. В первый раз после 20-х годов богатая эзотерическая жизнь Кришнамурти, а именно его отношения с Учителями и с Господом Майтреей, продолжавшиеся всю жизнь, была вынесена на публику. И всё же, несмотря на это, многие, изучающие труды Кришнамурти, включая тех авторов, которые писали о его жизни, продолжают верить, что учителя и Господь Майтрея не были частью его жизни.

Кришнамурти же, с другой стороны, был в этом совершенно ясен. Как позже сообщила Латьенс, после того, как её книга вышла, Мэри Цимбалист спросила Кишнамурти: «Почему же, если Учителя существовали, они говорили тогда (во времена громкой славы теософического движения), а не теперь?» Для Кришнамурти это было прекрасной возможностью сказать что-то вроде: «Потому что таких учителей не существует». Вместо этого его ответ не только подтвердил их существование, но также и его взаимоотношения с Господом Майтреей. Причина, почему учителя больше не проявлялись, как они делали в течение первых пятидесятилетий теософического движения, согласно Кришнамурти, в том, что «не было потребности, потому что теперь Господь здесь»[8]. Это и другие аналогичные заявления Кришнамурти прямолинейны и не оставляют места для окольных толкований, предполагающих, что он отрицал либо связь с учителями, либо свою миссию как проводника для Господа Майтрейи.

Можно понять, почему те, кто непосредственно участвовал в событиях конца 20-х и начала 30-х, когда Кришнамурти активно разрывал все связи с Теософи-

ческим Обществом, распространяли слухи, — или сами верили в них — их о том, что он говорил, или не говорил. В конце концов, средства связи тогда были не такими, какими они стали потом, и только немногие люди имели прямой доступ к Кришнамурти ежедневно. Кроме того, ожидания, выстроенные вокруг его личности, были столь высоки, что его действия, начиная с роспуска Ордена Звезды, естественно вызвали критицизм и слухи. Что тут озадачивает, особенно всякого, кто осознает присутствие вечных учителей через возрождение, связанное с вневременной мудростью, так это то, что такое представление о Кришнамурти продолжало поддерживаться комментаторами его жизни в полную противоположность фактам и тому, что он говорил и как он жил, всё время, до самого конца его жизни.[9]

Если принять слова Кришнамурти и тех, кто были свидетелями ранних проявлений происходившего с ним процесса, не может остаться сомнений в присутствии Учителей в течение этих событий.

Опасная операция

Основываясь на подробных заметках Нитьянанды о том, что имело место, Пупуль Джаякар сообщает, что к ночи 10 сентября 1922 года, около центральной точки великого посвящения, «Нитья и Уоррингтон скоро осознали, что Кришна проходил очень опасные переносы сознания или пробуждение кундалини и чувствовали, что атмосфера заряжена электричеством. Они чувствовали, как будто были хранителями храма, где происходили священные церемонии. Иногда те, кто были с Кришной, ощущали присутствие существа, которое проводило операции, хотя и не могли ни видеть, ни определить, кто это. Но тело Кришны, между спазмами боли, могло говорить с невидимым присутствием, которое представлялось другом и наставником. ...

К 18 сентября началась новая фаза. Боли стали более интенсивными. Кришна задавал невидимому присутствию вопросы, его беспокойство увеличилось, его глаза были открыты, но не видели, он мог дрожать и стонать, а иногда он кричал в боли: „Пожалуйста, дайте мне хоть минуту!“[10]»

Несмотря на заявление Джаякар, что существо, которое присутствовало, нельзя было определить, во многих случаях это существо или существ можно было отождествить с Вечными Учителями, на что указывают другие высказывания, процитированные ранее. В ранние годы присутствие Вечных Учителей и Господа Майтрейи подтверждалось вполне открыто, хотя всё же в маленьком внутреннем круге знакомых. Например, Кришнамурти так описывал часть своего посвящения в 1910 году:

> «Когда я покинул свое тело в первую ночь, я сразу же отправился к дому учителя К.Х. и обнаружил его там с учителем Морьей и учителем Джуал Кхулом. Учитель очень по-доброму говорил со мной долгое время и рассказал мне всё о посвящении и о том, что мне нужно будет делать. Затем мы все отправились к дому Господа Майтрейи, где я уже бывал. И там мы обнаружили много Учителей: Венецианского Учителя, Учителя Иисуса, Учителя Графа (Сен-Жермена), Учителя Сераписа, Учителя Иллариона и двух Учителей — Морью и Кут Хуми.”[11]

Кришнамурти также говорил о «присутствии» несколькими десятилетиями позже, когда в 1961 году он записывал свои переживания в течение того процесса. Например, в записи о 27 июня он ссылается на апрель того года, когда процесс начался снова в тот момент, когда он был в Иль Леччо, в Италии.

> «Это присутствие, которое было в Иль Леччо, было со мной, ожидая терпеливо с добротой и великой нежностью. Это было подобно молнии в темной ночи, но это было здесь, проникающее, блаженное.»[12]

Во всех описаниях того, что имело место в течение процесса, Кришнамурти никогда не предстаёт в каком-либо виде инициатором процессов, скорее, всегда присутствует некое «существо, которое проводит эти операции»[13]. Более того, как было замечено в третьей главе, процесс не был похож ни на серию галлюцинаторных эпизодов, ни на результат спонтанного развития кундалини. Та точность, которая требовалась в проведении кундалини, как в случае Кришнамурти, указывает на то, что процесс не был просто случайностью. Тут остаётся единственная разумная версия — и та самая, истинность которой подтверждал Кришнамурти, — что этими процедурами руководили некоторые вечные учителя. Согласно каждому из свидетельств, то есть отчетам всех, кто был с этим связан, опубликованным или архивным материалам, именно таким было понимание Кришнамурти того, что можно было назвать техническими аспектами процесса.

Если Пупуль Джаякар была права — если отчёты о начальных проявлениях процесса состояли из «классического описания пробуждения кундалини»[14], — тогда они также были и описанием Учителей, которые проводили эту крайне деликатную и сложную психобиологическую процедуру. С тех пор, как процесс начался, и до конца жизни Кришнамурти всегда находился на волосок от смерти, на что намекают многочисленные ссылки в трудах его жизни.[15]

Но даже если есть свидетельства того, что имело место пробуждение кундалини, и что вечные Учителя и были теми, кто его и произвёл, в этом процессе остаётся много неизвестного. Подробности того, что было сделано с Кришнамурти, недоступны нам потому что, как сказал Нитья, ему сказали не говорить ничего, что с ним делают, и он дал обещание.[16] Секретность — при посвящениях вещь обычная, как вполне объясняют высказывания из «Ключа к теософии» Блаватской, цитированные в Главе I.* Тем не менее, последующее есть попытка понять природу этой процедуры в свете замечаний, которые сделали Кришнамурти и Ледбитер в то время, а также некоторых вечных учений. Джаякар также пересказывает некоторое количество разговоров с Кришнамурти, в которых он говорил о вещах, касающихся процесса.

Говорит физический элементал

Джаякар рассказывает, какое удивление у неё и её сестры вызвал процесс, происходивший с Кришнамурти. Впервые они стали свидетелями этого в 1947 году, вскоре после того, как с ним познакомились. Этот процесс казался чуждым его ясным, не допускающим никакой чепухи прозрениям и наблюдениям. Особенно они были озадачены тем, что выглядело как расщепление личности Кришнамурти, когда он был вне тела, и только «физический элементал» говорил, поскольку они не были знакомы с древним учением, касавшихся различных тел или уровней бытия во всех человеческих существах.[17] Вкратце, *элементал* — это термин,

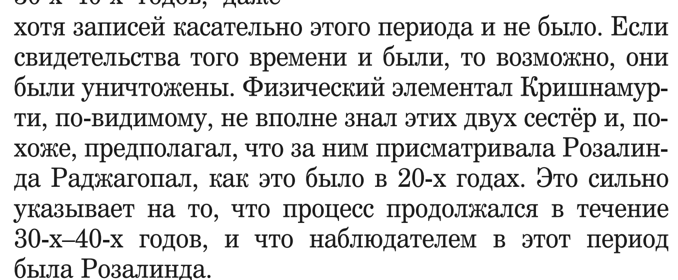
* См. Е.П. Блаватская, «Ключ к теософии», гл. I, подглавы «Смысл названия» и «Религия мудрости...». — *Прим. пер.*

используемый в теософической литературе для обозначения того факта, что у каждого проводника, или уровня осознанности, есть свой собственный ум. В связи с описываемым процессом упоминается физический элементал, — т.е. сознание физического тела, — который и говорил. Утверждается, что этот элементал связан с симпатической нервной системой.[18]

Нитьянанда и Кришнамурти

Описание Джаякар также интересно тем, что указывает на то, что процесс продолжался в течение 30-х–40-х годов, даже хотя записей касательно этого периода и не было. Если свидетельства того времени и были, то возможно, они были уничтожены. Физический элементал Кришнамурти, по-видимому, не вполне знал этих двух сестёр и, похоже, предполагал, что за ним присматривала Розалинда Раджагопал, как это было в 20-х годах. Это сильно указывает на то, что процесс продолжался в течение 30-х–40-х годов, и что наблюдателем в этот период была Розалинда.

«Поздно ночью мы были разбужены голосом Кришнаджи, который звал с террасы, где он спал. Его голос звучал слабо, и мы были удивлены и подумали, что он болен. После больших колебаний мы прошли через дверной проём, который вёл на веранду, и спросили его, не нездоровится ли ему. Кришнамурти кого-то звал, его голос был похож на детский, он продолжал говорить: „Кришна ушёл, когда же он вернётся?“ Его глаза были открыты, но он нас не узнавал. Затем, похоже, он заметил наше присутствие и спросил: „Вы Розалинда? О, да, да, он всё знает о вас, это всё правильно. Пожалуйста, сидите здесь, ждите здесь». Затем, после небольшой паузы: „Не оставляйте это тело одно и не бойтесь“. Голос начал звать Кришну снова, но его рука стала закрывать рот и он говорил: „Он сказал не звать его“. Затем, детским голосом опять: „Когда же он вернётся, он вернётся скоро?“ Это продолжалось некоторое время. Он мог быть спокоен, затем кричать, звать Кришну, затем упрекать себя.

После, примерно, часа, его голос стал радостным: „Он вернулся, вы видите их, они здесь, безупречные!“ Его руки выражали полноту и затем его голос изменился, это снова стал снова знакомый голос Кришнаджи. Он сел, извиняясь за то, что не давал нам спать. Он проводил нас в нашу комнату и уснул. Странность этого всего поразила нас, мы были удивлены и не спали всю ночь. На следующее утро за завтраком он выглядел свежим и молодым. Мы спросили его о том, что случилось. Он засмеялся и сказал, что не знает — можем ли мы ему описать случившееся? Мы это сделали. Он сказал, что об этом можно будет поговорить попозже, но мы тогда поняли, что он под этим имел в виду, что больше не хочет обсуждать этот вопрос.»[19]

Знаменательно, что когда произошел этот инцидент, Кришнамурти был всецело вне сферы влияния теософов. Это показывает, что процесс скорее всего не был результатом верований теософической системы, как предполагали некоторые относительно опыта пережитого Кришнамурти в 20-х. В конце концов, природа этих переживаний качественно не изменилась на протяжении шести десятилетий — скорее, они были частями одного продолжающего процесса изменения, как Кришнамурти ясно заявил в своих дневниках в начале 60-х годов. Всякий заявляющий, что опыты 20-х отличались от переживаний, которые случились позднее, должен показать, *в чём* они отличались.

На протяжении всей своей жизни Кришнамурти, когда пытался описать или попытаться понять технические аспекты процесса, использовал теософическую терминологию. Это была наилучшая доступная тогда терминология, чтобы передать в словах происходившее с ним. Однако Кришнамурти никогда не использовал эту терминологию чисто теоретически, как часто делается в нью-эйджевых и теософических кругах. Для него язык был просто инструментом.

Это существенный момент. Он разъясняет, что Кришнамурти не был занят продвижением какой-то метафизической системы. Его подход никогда не был концептуальным или метафизическим. Не имея намерений ассоциировать его с какой либо конкретной школой мысли можно сказать *метафорически*, что его подход был родственен подходу экзистенциализма и феноменологии. То есть вместо того, чтобы принять какой-то фон знаний или спекуляцию как данность, Кришнамурти скорее был готов исследовать все вопросы без предубеждений или предвзятых мнений. Например, в связи с описываемым процессом он обнаружил, что связан с определенными индивидуальностями. Чтобы передать какую-либо информацию об этом, он иногда прибегал к теософической терминологии, наиболее подходящей для этой цели, и называл их Учителями. То есть он испытывал опыт с начала и только потом пытался говорить о нем. Это феноменологическое применение языка глубоко отличается от подхода тех, кто читает книги об Учителях, развивает систему верований, а затем принимает её за «истину».

Нью-эйджевый взрыв

Скорей всего, в сороковых годах Кришнамурти был не склонен обсуждать подробности процесса, особенно с такими людьми как Пупуль Джаякар и её сестра, которые были незнакомы с вечной философией, её учителями и пониманием Кришнамурти своего места как средства выражения для господа Майтрейи. Чтобы они могли понять видимое расщепление личности, случившееся во время процесса, например, ему нужно было бы объяснить, что такое физический элементал, астральные путешествия и другие теософические взгляды. Однако сестры не были теософками и по крайней мере в своей опубликованной работе Джаякар не проявляет никакого интереса к теософии. Более того, Кришнамурти был склонен быть сдержанным по отношению к таким вещам, поскольку они уводили в сторону от его реальной работы.

Однако в 60-х годах Кришнамурти начал в некоторой степени обсуждать этот процесс. Этот сдвиг мог быть связан с важными изменениями в его жизни, произошедшими в то время. Он начал входить в более близкие отношения с всё бóльшим количеством новых людей. Эмили Латьенс, которая была важным связующем звеном с его ранними опытами в этом процессе, умерла в 1964 году. Его окончательный разрыв с Раджагопалами был неминуем. Был образован Фонд Кришнамурти, начал писаться первый рассказ о его жизни.

Кроме того, в 70-х годах началось возрождение интереса к вневременной мудрости. Феномен нью-эйджа стал мэйнстримом культуры того десятилетия. Рос интерес к работам Джозефа Кэмпбэлла, Карла Юнга и Кена Уилбера, а также к мифологи и трансперсональной психологии в целом. Начинали исследовать связи между передовым краем науки и древними вечными учениями.[20] Начала процветать гуманистическая психология и множество других школ психологии, цель которых была та же, что и у древних учений — и не только цель, но и происхождение. Таким образом, когда в конце 50-х и начале 60-х стали выходить книги Кришнамурти, среди поддержавших их были такие фигуры как Ролло Мэй.[21]

Очевидно, пришло время выпустить вечного джинна из бутылки. Пробные раскрытия 60-х, сделанные Кришнамурти, были предварительны и могли происходить из вполне информированного понимания основных социальных перемен, которые должны были произойти. В конце концов, за этой деятельностью также стояли вечные авторы этих событий, как мы видели в части первой, что ясно было центральным моментом возрождения древней мудрости.

Впервые богатая внутренняя жизнь Кришнамурти была вынесена на публику в воспоминаниях Мэри Латьенс, первый том которых был опубликован 1975 году. Более ранняя попытка была сделана в 50-х годах Эмили Латьенс, которая включила всё, что она знала о процессе, в свою книгу «Свечи на солнце».[22] Однако через одиннадцать лет Кришнамурти убедил её убрать все эти высказывания из её книги.[23] Очевидно, он считал, что время для таких откровений еще не пришло.

Психическо-духовные состояния Кришнамурти и упоминание вечных учителей и господа Майтрейи продолжались на протяжении более поздних десятилетий жизни Кришнамурти, так же, как это было и в 20-х. Однако терминология, которую он использовал для обозначения учителей, со временем постепенно изменялась. Можно предположить по меньшей мере две важных причины этому. Во-первых, язык Кришнамурти с годами проходил постоянную трансформацию, всё время двигаясь к тем формам выражения, которые с меньшей вероятностью были бы неправильно поняты умами, обусловленными конкретными религиями, этническими сообществами или системами.[24] Другая причина могла быть в том, что Кришнамурти хотел выразить себя таким способом, который не мог бы быть отождествлен с теософией как концептуальной моделью, что особенно делалось ради его индийских друзей, которые, согласно комментариям Джаякар, присутствующим по всем её мемуарам, имели очень глубокое предубеждение против всего теософического.

Эзотерический первоисточник

Весной 1969 года Кришнамурти неформально беседовал о своих ранних днях с Джаякар, её племянником Аситом Чандмалом и её сестрой Нандини. Такие примеры как этот разговор представляют особый интерес, поскольку Джаякар не только демонстрирует в своей книге большую враждебность ко всем вещам, связанным с теософией, но также утверждает (хотя и не предоставляя свидетельств), что переживания Кришнамурти, связанные с вечными учителями и Господом Майтреей, были просто видениями. Тем не менее, рассказывая об этом разговоре, она говорит:

> «Кришнаджи исследовал загадку, окружавшую открытие этого мальчика, Кришнамурти. Он осторожно пробовал грунт, прислушиваясь к намёкам и озарениям, которые могли бы возникнуть во время дискуссии. Его заявления о Теософическом Обществе были ясными и точными. Он не делал комментариев насчет того, были ли они верными или иллюзией. Чувствуя „инаковость“ Кришнаджи, мы слушали, задавая немного вопросов и давая ему говорить.
>
> Кришнаджи сказал, что Учителя сказали Ледбитеру найти мальчика, который был брахманом, происходил из хорошей семьи и имел „такое лицо, как было ими описано“. Долгом Теософического Общества было защищать тело этого ребёнка и обеспечить атмосферу полной безопасности в течение двух лет. Когда тело было готово, Господь Майтрея должен был дать этому мальчику ум. Когда Ледбитер увидел Кришнамурти на берегу в Адьяре (в 1909 году), он обнаружил, что в ауре мальчика не было видно никакого эгоизма…
>
> Затем Кришнамурти выдвинул несколько теорий, чтобы объяснить, каким образом мальчик оставался нетронутым. Было ли так, что через многочисленные реинкарнации ребёнок эволюционировал до совершенства? Или же Господь Майтрея защищал тело до того, как оно достигло зрелости? Должен ли был мальчик родиться без какого-то формального характера или личности, чтобы позволить оставаться ему неясным, нетронутым в его ранние годы отцом, школой, доктринами Теософического Общества и роскошью жизни, в которой он жил в Англии?…
>
> Мальчик, который был совершенно невинен и не подвергался влияниям, должен был быть защищен от того зла, которое не должно было его коснуться и войти в него…
>
> Анни Безант настаивала, чтобы всё это время Кришнамурти сопровождали двое посвящённых. Она сказала: „Поскольку ты всегда одинок внутренне, ты никогда не должен быть физически один“. В мальчике был резервуар добра и он не должен был быть заражён.»[25]

Сердцем всех исследований Кришнамурти было рассеивать иллюзии любого рода, а не способствовать им. Если все эзотерические элементы, появившиеся в этом разговоре, были просто иллюзиями и видениями, то зачем же Кришнамурти тратил свое время и время своих друзей на поднятие этого вопроса? И почему вообще он поднял этот вопрос в атмосфере, которая предполагала серьёзность и священность этой темы для Кришнамурти? Контекст подсказывает, что Кришнамурти считал исследование эзотерических аспектов своей жизни, таких как это исследование, принципиально важным для понимания того, кем и чем он был. Более того, как явствует из других дискуссий на эту тему, Кришнамурти считал свою работу происходящей из тех же эзотерических источников, а не от самого себя как личности. Это документируется в части III.

Конечно, этот разговор ценен тем, что он открывает собственное понимание Кришнамурти его внутренней жизни — особенно в свете его нетерпимости к разным мистификациям относительно его персоны. Если он думал, что эти вещи иллюзорны, он должен был сказать это в словах, не допускающих иных толкований, как он говорил обо всём другом, что считал иллюзорным. По этим причинам замечание Джаякар, что он не делал комментариев насчет того, было ли это истиной или иллюзией, отражает её собственное мнение. Фактическое понимание Кришнамурти этих моментов становится ясным, когда в том же разговоре он сказал, что его защищает Господь Майтрея и вечные учителя. Джаякар писала:

> «Он сказал, что нуждался в защите даже в 1969 году, поскольку его характер ещё не сформировался… „Это тело всё ещё нуждается в защите“. Он сделал паузу и сказал: „я всё еще чувствую, что меня защищают“.»[26]

Видéние никого защитить не может, так что этот комментарий показывает несоответствие между собственным опытом Кришнамурти и интерпретацией его Джаякар как просто видения.

> «Затем он говорил о ранних годах, когда тело мальчика Кришнамурти должно было быть полностью защищено и ему должна была быть предоставлена безопасность на два года, но его ум не должен был быть тронут, ибо „Господь дал ему отдых“. Между предложениями следовало долгое молчание. Кришнамурти сказал, что тело ещё должно было быть пройти через много боли (как было в Охае и Утакамунди), потому что в мозгу всё ещё имелись несовершенства.»[27]

Затем Кришнамурти перешёл к разговору о своих посвящениях. Само это во-первых подтверждает, что они имели место, а во-вторых, что Кришнамурти считал вечных учителей и Господа Майтрею реальными, а не видениями, ведь бессмысленно было бы говорить о посвящениях, — по крайней мере в контексте Кришнамурти, — без посвятителей, и они были как раз теми, кто по его словам и проводил посвящение. Также очевидно бессмысленно для него говорить о том, что в 1969 году он всё ещё находится под защитой, если бы он не знал, что защитники были, а единственными защитниками, которых он упоминал в то время, были Учителя и Господь Майтрея. В 1982 году во время дискуссии с другим индийскими друзьями он сказал Джаякар:

> «„Я думаю, что есть сила, которой теософы коснулись, но попытались превратить её в нечто конкретное. Но было что-то такое, чего они коснулись, а затем пытались перевести в свои символы и слова, и так потеряли это. Это ощущение продолжается у меня всю жизнь. Когда я говорю об этом, происходит нечто огромное, великое. Я не могу попросить у этого ничего.“
>
> Джаякар спросила:
>
> — Это что-то вне тебя, оно защищает тебя?
>
> — Да, да, в этом не может быть сомнений.»[28]

Некоторых авторов привели в смущения другие заявления, сделанные Кришнамурти, такие как, например, следующее, сделанное в 1979 году:

> «Майтрея слишком конкретен, если недостаточно тонок… Я сказал, что это не Майтрея, бодхисаттва. Та защита слишком конкретна, слишком разработана, но я всегда чувствовал защиту.»[29]

Такие заявления оставляют впечатление, что Кришнамурти имел в виду какое-то иное существо или процесс, чем Господь Майтрея, когда говорил о защите, которую он чувствовал в течение всей своей жизни. Однако в свете его заявления о том, что Учителя больше не появляются, потому что „Господь здесь“, упомянутого в главе пятой, эта интерпретация требует более внимательного исследования, ибо единственный Господь, которого он упоминал, это Господь Майтрея. Единственный другой Господь, о котором Кришнамурти когда-либо говорил, был Гаутама Будда, но в отличии от Майтрейи о нём никогда не говорили как о проявляющемся в прямой связи с работой Кришнамурти, хотя Кришнамурти упоминал его как вдохновляющее влияние. То, что же собственно мог означать Майтрея, более подробно рассматривается в части III; здесь же достаточно указать, что Кришнамурти возражал против слова «Майтрея» как «чересчур конкретного».

И хотя Кришнамурти говорил с людьми, которые не были из среды теософов и не должны были симпатизировать тому, что он им скажет или тому что из этого следует, тем не менее, он ясно чувствовал, что важно было рассказать им о фактах своей внутренней жизни. Пожалуй, в некотором смысле ему было легче говорить с ними, поскольку они скорее понимали бы то, что он сказал, без предвзятых взглядов, связанных с теософией. Это могло быть примером важности того, что не нужно держаться какого-то одного взгляда на вещи, но оставаться открытым к точкам зрения, которые с поверхностного взгляда кажутся несовместимыми. Ведь как подчеркивал Ницше, «каждая точка зрения, несмотря на её ограничение, вносит потенциально важный вклад в полное понимание».

Такой всеобъемлющий взгляд находится в центре причин, по которым Кришнамурти возражал против того, чтобы смысл слова «Майтрея» делался «слишком конкретным». Аналитический ум с его склонностью к точности и логической строгости мог потребовать одного и только одного значения для каждого слова, утверждения или вербализованной концепции. Такая конкретность делает более глубокое понимание невозможным. Она исключает другие ценные и подходящие слова, заявления и концепции только потому, что они кажутся несовместимыми с более ограниченной точкой зрения и неподходящими к ней. Это и может быть причинной того, почему приверженцы аналитического ума всегда имели трудности с пониманием Кришнамурти.

Еще одна причина того, почему Кришнамурти мог раскрыть тему своей внутренней жизни в 60-х годах после практически герметического молчания, соблюдавшегося начиная с 20-х, может быть в том, что он

знал: информация об этом рано или поздно выйдет на поверхность. Архивные материалы изобильно документируют эзотерическую жизнь Кришнамурти, продолжавшуюся в течение почти восьми десятилетий. Кришнамурти мог надеяться, что он сможет сам ясно засвидетельствовать по крайней мере о том, что не нужно оставлять в секрете, прежде чем всё это станет доступным. Более того, к шестидесятым годам его работа вполне установилась совершенно независима от всяких связей с теософией или эзотерикой, так что его послание могло оставаться сравнительно защищенным от искажения в этих кругах. Будучи пока ещё среди теософов, Кришнамурти возражал против того, как тема учителей и посвящений упрощалась и делалась слишком конкретной, создавая иллюзию того, что слова указывали на «правильный» образ у говорящего. Это также документируется и обсуждается в части III.

Слова

Это очень легко — беря слова и объясняя их согласно предвзятым взглядам и условностям обыденного языка, предположить, что хорошо понимаешь, что имел в виду Кришнамурти, когда говорил о «Возлюбленном», «Майтрее», или что Блаватская имела в виду под «Учителями». Пример этого можно найти в кратких воспоминаниях Ингрэма Смита о его общении с Кришнамурти, «Истина — страна без дорог: путешествие с Кришнамурти». Подобно другим, писавшим о Кришнамурти с установившимся предубеждением против всего теософического, Смит рассказывает следующий случай, веря, что он демонстрирует безоговорочное отрицание Учителей со стороны Кришнамурти:

> «Однажды вечером Гордон Пирс ехал с нами в автомобиле. Он знал Кришнаджи с детства, фактически с того момента, как была открыта его уникальность, и жил в штаб-квартире Теософического Общества в Адьяре. Когда выезжали из города, Пирс был на переднем сиденье и зашёл разговор о тех ранних днях. Обернувшись к Кришнамурти, сидевшему на заднем сиденье, он спросил: „В то время, когда ты был с Ледбитером, ты действительно видел Учителя К.Х.? Ты говорил с ним?“ Я был очень удивлён, когда Кришнамурти ответил: „Да, видел“. Пирс тоже. Ведь мы оба слышали, как Кришнамурти отрицал гуру и учителей, а теперь признаётся старому другу, которому доверяет, что действительно видел Учителя Кут Хуми, нефизическое существо. „Ты на самом деле говорил с ним?“ — спросил Гордон. „Да, — ответил он, — иногда во время ранней утренней медитации“.
>
> Дальше Кришнаджи сказал, что по указанию Ледбитера он вставал в четыре часа, в традиционной манере, и медитировал, и иногда присутствовал Кут Хуми и имел место разговор. Затем однажды утром сразу после восхода Кришнамурти сидел в позе лотоса, обратившись к востоку, и Кут Хуми появлялся в дверях. До того дня было достаточно только бесед. „Но в тот день я хотел чего-то большего, чем просто разговоры. Я хотел не только чувствовать его присутствие, слышать его голос, но хотел действительно потрогать его, соприкоснуться. До того дня он был лишь голосом, присутствием в дверях. Это было утром, когда солнце ясно светило в комнату. Кут Хуми стоял спиной к свету. Я встал, пошёл к нему и прошёл сквозь него. Я обернулся. Никого не было. Он исчез. ... И больше я его никогда не видел“.»[30]

Кстати, никто из теософов или других людей, свидетельствовавших, что они встречались с К.Х. или другими Учителями, или получавших письма от них, никогда не говорили, что они «нефизические существа», как выражается здесь Смит. Делать такое заявление — всё равно что назвать нефизическим существом того, кто говорит с нами по телефону, просто потому, что его нельзя потрогать. Об Учителях говорят как о человеческих существах с высокоразвитыми йогическими способностями, в том числе такими как телепатическая аудиовизульная коммуникация. Классические труды по йоге, такие как Йога-сутра Патанджали, объясняют, как приобретаются эти способности.

Смит использует эту историю, чтобы показать, что Кришнамурти отрицал существование Учителя К.Х., даже несмотря на то, что тот ответил «да» на вопрос, встречал ли он его. И это больше говорит о предубеждениях Смита относительно Учителей, чем о восприятии Кришнамурти того, что действительно имело место. Смит должно быть не в курсе, что Кришнамурти рассказал об этом переживании в одном из своих стихотворений конца 20-х.

> Он был в дверях моей комнаты
> Я прошёл чрез него
> Очищенный, с новой песней в сердце
> Я остаюсь.
> Он предо мной навсегда.
> Куда ни посмотрю — он там.
> Я вижу все вещи через него.
> Его великолепие наполнило меня
> и пробудило великолепие,
> которого я не знал раньше.
> Вечный покой — вот моё видение,
> Прославляющее все вещи.
> Он вечно предо мной.[31]

История Смита демонстрирует что Кришнамурти не был заинтересован в том, чтобы переубеждать людей, даже если дело касалось неверного истолкования ими подробностей его собственной жизни. Она также показывает, как легко не знающая сомнений приверженность замкнутому, обусловленному мышлению может предать, испортить или извратить первоначальный смысл сказанного.

Майтрея

Интересно рассмотреть то, каким образом сам Кришнамурти говорил о Майтрее. Возможно, после 20-х годов он делал это только раз, поскольку обычно был очень не склонен описывать или определять аспекты своей внутренней жизни — вероятно, чтобы не давать зерна для мельницы ума. Кришнамурти говорил со своим другом, пандитом из Варанаси, профессором Джаганнатхом Упадхьяей из Бенаресского Индусского Колледжа. Профессор упомянул, что согласно свами Вишудхананду, видному тантристу, жившему в Варанаси в начала 1900-х годов, между тайными тантрическими учениями и внутренним учением Теософического Общества была тесная связь. Профессор сказал, что после «открытия» Кришнамурти этот свами говорил Анни Безант об «очень скором пришествии бодхисаттвы Майтреи и его проявлении в человеческом теле; и согласно свами, для этого было избрано тело Кришнамурти».[32]

На это Кришнамурти ответил:

«Майтрея не может проявиться; это всё равно что сказать, что небо проявилось. Учение — вот то, что проявляется».[33]

Кришнамурти не мог бы сделать такого заявления, если бы у него не было сильного убждения, что он зна-

ет, кто такой Майтрея. Его ответ также поразительно похож на заявление Е.П. Блаватской из её эзотерических инструкций:

«Планетные духи ... *больше не воплощаются* во вселенной... [но тем не менее] *являются* на землю в виде аватар» (курсив мой).[34]

Ответ Кришнамурти напоминает его ранние поэтические сочинения, в которых он говорил о Возлюбленном, как во многом подобном небу — по-видимому, имеющем центр везде, а окружность — нигде. Он не говорил, что Майтрейи или Возлюбленного нет, точно так же, как он не говорил, что неба нет. В поэме «Бессмертный друг» он описывал Возлюбленного и в единственном, и во множественном числе, что напоминает описание Кетцалькоатля у Аргуэльеса:

В долине, где в одиночестве нависает облако
Ища гору для отдыха,
В неподвижном дыму, взбирающемся в
небеса,
В деревушке на закате солнца,
В тонких лохмотьях быстро исчезающих
облаков,
Там ты встретишься с моим Возлюбленным.

...Гром среди гор наполняет твою душу
силой Его голоса.
Сквозь рёв большого города, сквозь визг и
стон быстро проезжающих машин
Ритмичный стук далёкой машины,
Сквозь ночные голоса
печальный плач и крики радости,
Сквозь безобразие гнева,
Приходит голос моего возлюбленного.[35]

Таким образом, Возлюбленный по описанию Кришнамурти находится «везде», будучи одновременно «здесь». Важная причина такой неточности — это то, что когда даёшь описание, сказанное становится зафиксированным, замороженным, инертным образом, тогда как описываемое может быть глубоко живым, находиться в непрестанном движении, быть многоликим и даже многомерным. < ... >*

Морфический резонанс

Несмотря на необычайную чувствительность Кришнамурти и другие его редкие качества, нет причин считать, что он сам был Учителем. Представляется более вероятным, что он был обычным человеческим существом, избранным в качестве объекта утонченного эксперимента древней науки, целью которого было установить более сильную связь между обычным сознанием и сознанием, которое более всеохватывающе. Как сказала Мэри Латьенс в своих заключительных замечаниях в книге «Годы пробуждения»:

«Я была склонна верить, что Кришнамурти использует и использовало с 1922 года нечто внешнее. Я не имею ввиду что он был медиумом — медиум отделен от того, что он или она „проводит", тогда как Кришнамурти и всё, что через него проявляется, по большей частью едины. Его сознание проникается этой вещью подобно губке, пропитанной водой. Но бывают времена, когда эта вода по всей видимости вытекает, оставляя его таким, каким я его впервые запомнила, — неясным, мягким, ошибающимся смущенным, простодушным, уступчивым, страстным, радостно смеющимся над самыми глупыми шутками и всё же уникальным в своем полном отсутствии тщеславия и самоутверждения».[36]

Кришнамурти говорил то же самое Латьенс и касательно своей работы:

«Если я специально сяду, чтобы записать это, я сомневаюсь, что у меня это получится… Есть чувство вакантного места, а затем нечто приходит… Если бы это был только Кришнамурти — необразованный, мягкий — так откуда же это все приходит? Эта личность не выдумала учение... Это похоже — какой тут библейский термин? — на откровение, это случается всякий раз, когда я выступаю.»[37]

Важное свойство этого эксперимента в том что он в конечном счете касается человечества в целом, а не исключительно Кришнамурти как индивидуальности. Если изменение могло быть произведено с нервной системой Кришнамурти, тогда это стало бы возможностью и для всего человечества. Согласно биологической теории морфического резонанса то, что может сделать одно человеческое существо, становится доступным для остального человечества как подлинная возможность.[38] Кстати эта научная теория, созданная в конце XX века, была неотъемлемой частью вечных учений на протяжении тысячелетий, хотя и под другими названиями. Например, теософы говорят о «групповых душах»[39]. Одна из причин того, почему вечные учителя нечасто проявляют себя прямо и публично, кроме как в связи с большими циклами, может состоять в том, что для них гораздо важнее, чтобы все человеческие существа развили способность жить в большем сообщении с *тем, что есть*. Это может вызвать что-то вроде мутации, которую немногие человеческие существа — возможно, только одно, — должны пройти, чтобы это стало возможным для всех представителей вида.

Возможно, что когда Кришнамурти сказал, что Господь здесь, он не имел ввиду какое-то сверхсущество, которое проявлялось через него одного; может быть, он имел в виду более охватывающее состояние сознания осознанности, которое стало более доступно всем людям. Это состояние могло проявляться через одну индивидуальность — Кришнамурти, — а из того, что он сказал к концу своей жизни, следует, что такое могло больше не повториться ещё на протяжении сотен лет.[40] Однако теперь это состояние может быть теперь более доступно для всего человечества. Учителя Блаватской сказали, что мы находимся в начале нескольких крупных циклов, во времени, когда духовно-психологические мутации наиболее вероятны. Если это так, то любой из нас, кто заботится о том, чтобы участвовать в такой мутации, может достичь этого, воспользовавшись преимуществом эпохального момента. Христианин мог бы назвать это «принятием тела Христова», однако в новом периоде выдачи вневременных учений все такие мифы и образы оставляются, поскольку встают на пути проявления более глубоких уровней осознанности, которые являются универсальными и никогда — сектантскими.

Страсти Кришнамурти

Однако процесс сотворчества этого изменения в себе ради человечества был для Кришнамурти мучительно болезненным. Говорят, что Иисус пережил «страсти» — период глубокого страдания, длившийся несколько часов и достигший кульминации в его распя-

* Эта главка и предыдущая взяты из гл. IX «Майтрея» части III, тогда как остальные — из глав V и VI части II. — *Ред. ВТ*.

тии. «Страсти» Кришнамурти состояли из серии очень болезненных переживаний, длившихся несколько часов и поначалу повторявшихся ежедневно на протяжении нескольких месяцев. Позже, на протяжении всей его жизни, они иногда возвращались, но уже в более мягкой форме. Нитья так сообщил о заключительной стадии первого такого проявления процесса (кульминации посвящения Кришнамурти):

«Та ночь была ужасной ночью страдания, и когда я оглядываюсь на неё, мне кажется, что это была ночь самой большой агонии, через которую Кришна когда-либо проходил. Он страшно страдал и в последующие ночи, и они казались намного хуже, но я думаю, что это было в силу его очень прискорбно ослабленного состояния, вызванного той ночью. Перед тем, как страдания фактически начались, мы слышали, как он разговаривает с Учителем, которому он был поручен. Ему было велено не рассказывать ничего о том, что с ним делают, и он дал обещание, затем ему сказали, что посетитель вернётся позже, в 8:15. Кришна сказал: „Он приходит в 8:15, затем давайте быстро начнём“. Незадолго перед тем, как это началось, он вставал, и мы слышали, как он упал с ужасным шумом, а затем услышали, как он извиняется: „Извините, я упал, мне не следовало падать“. Весь этот вечер он больше осознавал своё физическое тело, чем когда-либо раньше.

Они сказали ему, что он не должен делать никаких движений, потому что обычно он корчился и вертелся от боли. Но теперь он пообещал „им“, что он не будет больше двигаться. Снова и снова он говорил: „Я не буду двигаться, обещаю, что не буду!“ Так что он, крепко сцепив руки в замок, заложив из за спину, и лёг на спину, в то время как страшная боль продолжалась. Ему оказалось очень трудно дышать этой ночью. И он всё время хватал ртом воздух и чувствовал удушье. А когда боль усиливалась так, что он не мог уже терпеть, он просто терял сознание. Той ночью он терял сознание три раза. И когда он потерял его в первый раз, мы не знали, что произошло. Мы слышали, что он задыхается и вздыхает от боли, и внезапно после долгого вздоха наступила мёртвая тишина. Когда мы позвали его, ответа не было. А когда мы вошли в комнату и пробрались к нему, потому что в комнате была полная темнота и мы не знали где он находится, мы обнаружили, что он лежит на спине недвижимо, а его пальцы так крепко сжаты, что казалось, что он как будто башня из камня.

Мы быстро привели его в сознание. И так случалось три раза. Каждый раз, когда он возвращался к сознанию, он извинялся перед ними за потерю времени и говорил, что старался как мог контролировать себя, но это уже было за пределами его возможностей контроля. Иногда они давали ему небольшую передышку и боль прекращалась. Между этими приступами страданий он начинал шутить с кем-нибудь из тех, кому он был поручен, и смеялся так, как будто всё это было шуткой. И так это продолжалось час с четвертью.

... Той ночью мы отправились в постель. Незадолго до того, как мы заснули, Кришнамурти начал говорить с кем-то, кого я не мог видеть. Я слышал конец его разговора. По всей видимости, этот человек был послан учителем Д.К. [Джуал Кхул], чтобы приглядывать за телом в течение ночи. Кришна начал говорить ему о том, как ему жалко, что он причиняет им все эти трудности. Это была одна из самых примечательных вещей за всё это время. Вежливость и обходительность Кришны была необычайной. Был ли он в полном сознании или это говорил только его физический элементал? Этот человек приходил наблюдать за ним каждую ночь в течение шести или семи ночей. Кришна тогда говорил: „Я видел его сейчас. Ничего не имеет значения“.»[41]

В двадцатых годах разными людьми в разных частях света было написано несколько отчётов о процессе, происходившем с Кришнамурти. Этот отчёт, как и все другие, изображает Вечных Учителей реальными индивидуальностями, которые работали над психо-физиологией Кришнамурти для того, чтобы достичь важных изменений в его физическом теле и психэ. Интересно, что Учитель Д.К. также помогал и Ледбитеру в его психическо-духовном развитии. По всей видимости, этот учитель был специалистом по движению кундалини. Его связь с процессом, происходившем с Кришнамурти, — это ещё одно свидетельство того, что с Кришнамурти работали те же самые Вечные Учителя, которые основали теософическое движение. В конце концов, Кришнамурти встретил Учителя Д.К. именно *потому*, что последний был глубоко вовлечён в создание этого движения и его развитие на ранних этапах.

То, что Вечные Учителя могут работать над кандидатом таким способом, вовсе не уникально и было не только в случае с Кришнамурти. Как указывал Ледбитер касательно одной из главных пути трансформации,

«Этот опасный момент в жизни посвященного иллюстрируется в Евангелии повествованием об искушении в пустыне, которое последовало за крещением Христа Иоанном. Сорок дней в пустыне символизируют тот период, в течение которого расширение ментального тела, даваемое при втором посвящении, прорабатывается в физическом мозгу, хотя для обыкновенного кандидата для этой работы вполне может понадобиться период не в сорок дней, а в сорок лет. В жизни Иисуса это был тот период, когда мозг его приспосабливался к грядущему Христу.»[42]

Проявления процесса Кришнамурти продолжались через годы после этого начала, которое длилось 49 дней. Двумя годами позже, например, Нитья написал Анни Безант из Охая:

«Процесс Кришны теперь сделал определённый шаг вперёд. Прошлой ночью он начался, как обычно, и никто из нас не ожидал чего то свежего или нового. Но внезапно все мы почувствовали огромный поток силы в доме — больше, чем я когда-либо чувствовал с тех пор как мы были здесь. Кришна увидел Господа и Учителя. Я думаю, что также той ночью воссияла звезда, ибо все мы переживали сильное чувство благоговения. Все мы были потрясены и чувствовали почти страх перед звездой, которая явилась. После этого Кришна сказал нам, что поток начался как обычно в основании позвоночника и достиг основания его шеи, затем продолжился с левой стороны, затем один пошёл в левую, а другой в правую стороны его головы, и наконец они встретились в центре лба. Когда они встретились, из его лба изошло пламя. Это скупой очерк того что случилось. Никто из нас не знал, что это значит, но сила была столь огромной, что эта ночь, по-видимому, отмечала определённый этап. Я предполагаю что это может означать открытие третьего глаза.»[43]

Мэри Латьенс сообщала, что во время пребывания в Перджине (Италия) в конце лета 1924 года

«леди Эмили напомнила ему что, сказал Св. Павел: „Мои малые дети, для которых я тружусь в муках,

пока не родится в вас Христос!". На что он отвечал: „Спорим, я испытал этих болей уже достаточно!"

Он вполне мог сказать это, потому что «процесс» снова начался 21 августа и был более агонизирующим чем всё, что он когда либо пережил, хотя это и не казалось возможным в Охае. 14 сентября Нитья писал к Мар де Манциарли, что процесс имел более сильное напряжение на протяжение трёх последних недель, чем он мог когда-либо вспомнить. Через Кришнамурти (от Учителя) 4 сентября были переданы инструкции на счёт того, что его комнату нужно закрыть к трём дня и что никто не должен его касаться после этого часа. И все должны быть исключительно чисты. Он не должен даже есть перед своим посвящением или испытанием. В 6 вечера он должен был принять ванну, одеться в свою индийскую одежду и отправиться в свою „камеру пыток", как называла её Эмили. Только Нитье позволялось отправиться вместе с ним. Леди Эмили, Хелен и Раджагопал, рано поужинав, обычно проводили час, пока проходил этот процесс, сидя на ступенях перед его дверью. После этого испытания они сидели с ним в его комнате, пока он ужинал.

Вечером 24-го леди Эмили записала, что у Кришнамурти было предчувствие, что будет „восхитительная ночь". И конечно же Майтрея пришёл и оставался с Кришнамурти долгое время и оставил послание для всей компании. Это послание было зачитано для них вслух Нитьей на следующее утро:

„Учитесь служить мне, ибо только на этом пути вы можете найти меня.

Забудьте себя, ибо только тогда я могу быть найден.

Не ищите Великих, когда они могут быть очень близко к Вам.

Вы подобны слепым, ищущим солнечного света.

Вы подобны голодному, которому предложили пищу, а он не ест.

Счастье, которое вы ищете, не где-то далеко; оно в каждом обычном камне.

Я здесь, если вы только захотите увидеть. Я Помощник, если вы позволите мне помочь."»[44]

Кришнамурти получал многочисленные послания такого рода от Учителей или от Господа Майтрейи. Иногда они предназначались для других, а передавались через него. Обычно они были изложены в стиле, совершенно отличном от его собственной манеры говорить или от стиля любого из тех, кто с ним был публично связан в то время. Хотя особое упоминание Учителей и прекратилось в более поздние годы, это не значит, что ответственность за тонкий и опасный процесс и работу Кришнамурти взял кто-то другой. Ведь как уже обсуждалось ранее, отношение между процессом Кришнамурти, его прозрениями и наблюдениями очень тесное и отрицать его нельзя. В любом случае, согласно заявлениям Кришнамурти и многочисленных свидетелей, процесс продолжался на протяжение всей его жизни. То есть это значит, что Вечные Учителя и Господь Майтрея были с ним до самого конца.

Уникальный эксперимент

Представление о том, что процесс, происходивший с Кришнамурти, был экспериментом, проведенным Учителями и являвшимся уникальным в мировой истории, встречается во множестве свидетельств. Брат Кришнамурти, Нитья, упоминал это в письме Ледбитеру, в котором сообщил о послании от учителя К.Х., переданном через Кришнамурти. Нитья задавал Ледбитеру вопросы, которые задавал также и сам Кришнамурти.

«Тело Кришны повторило это послание (от учителя), ночью 26 ноября 1903 г., сразу после окончания процесса вечером.

„Работа, которая делается сейчас, имеет самую глубокую важность и исключительно деликатна. Такой эксперимент проводится впервые в мире. Все в доме должны дать путь этой работе и ничьи удобства не следует принимать во внимание, даже самого Кришны. Посторонние не должны приходить слишком часто, напряжение слишком велико. Вы и Кришна можете обеспечить это.

Поддерживайте мир и упорядоченную жизнь."

У меня есть чувство, что упоминание об эксперименте касается не только того факта что такого рода вещи делаются в монастыре, но также и что они пробуют что-то новое в приготовлении тела.

Знаете ли вы — было ли что-либо подобное тому, что происходит сейчас, частью подготовки тела учителя Иисуса, когда господь приходил в прошлый раз?»[45]

Комментарий Нитьи и последний вопрос наводят на мысль, что он не изучил внимательно послание Учителя, поскольку в нем ясно говорится, что этот эксперимент проводится *впервые*. Учитывая, что это был первый раз, этот процесс нельзя полностью объяснить как подъем кундалини и оживление чакр, как уже обсуждалось ранее, ибо обширная литература по тантре и аналогичным областям знаний базируется на опытах, которые случались ранее. Далее механика процесса всё это время держалась в секрете. Таким образом, получить какое-либо прозрение относительно процесса Кришнамурти по крайней мере с первого взгляда представляется почти невозможным. Однако некоторые отдельные комментарии, сделанные самим Кришнамурти и Ледбитером, если их рассмотреть в свете работ Блаватской, могут пролить на это некоторый свет.

Озадаченность Ледбитера

Интересно, что несмотря на то, что у Ледбитера было развито ясновидение, он не понимал, что делали с Кришнамурти. Фактически, он выражал глубокую озабоченность о происходящем, указывая, что у него не имеется знаний о том, чтобы что-либо подобное происходило ранее. В письме к Анни Безант от 12 мая 1923 г. он писал:

«Очевидно что в высших материях методы прогресса для каждой индивидуальности разнятся. Я не понимаю, почему Кришна должен был испытать такие страшные физические страдания. Несомненно, брахманское тело исключительно чисто и потребовало бы меньше подготовки, чем средний европейский проводник. В моем собственном случае я не помню ничего сравнимого с этим, когда я сам проходил ту же самую стадию. Хотя конечно я испытал довольно сильное неудобство и дискомфорт при продвижении кундалини. Может быть, как вы и предполагаете, это составляет часть подготовки этого тела для того Великого, который займет его. Но о каком-либо ускорении этого прихода ничего не было сказано. Вполне может быть, что пройдут еще годы, прежде чем это приготовление будет закончено, чтобы тело смогло полностью оправиться от этого, прежде чем ему придется испытать напряжение самого этого вселения. Случай этот столь уникален, что я полагаю, что правда в том, что мы можем только ждать и наблюдать.»[46]

В 60-х годах Кришнамурти сделал несколько замечаний в том смысле, что его мозг не был столь совершенным проводником и процесс нужно было продолжать и в течение его последующей жизни. Это представление примечательно близко к комментарию Ледбитера. Замечание Ледбитера также наводит на мысль, что этот эксперимент был уникален в истории человечества; это совпадает с тем, что более ясно выражено в послании Учителя, сделанном позже в том же 1923 г.

Один аспект процесса, упомянутый Нитей в отчете о том, что началось после окончания первой фазы процесса в 1922 г., должен был еще больше заботить Ледбитера. Нитья упоминал о мучительно болезненном открытии, происходившем в голове Кришнамурти, и о его постоянной просьбе к Учителям закрыть его, вместо того, чтобы продолжать его открывать. Джаякар суммировала отчет Нитьи, цитируя его и перемежая комментариями.

«Место боли постоянно смещалось. 6 октября (в день, после которого кульминировало посвящение), агония поднялась к коже головы. Похоже, что в его голове что-то открывалось, причиняя ему неописуемые пытки. Однажды он крикнул: „пожалуйста, закройте его, пожалуйста, закройте!“ Он вопил от боли, но они постепенно продолжали его открывать. Когда Кришна больше не мог терпеть боль, он вопил и терял сознание. После сорока минут такого он лежал без малейшего движения. Медленно сознание возвращалось…

В ту ночь присутствие снова пришло наблюдать за ним, когда он спал…

На следующую ночь, по словам Нитьи, „они, похоже, опять оперировали с поверхностью его головы“, он агонизировал и кричал от боли и даже несколько раз терял сознание, когда она становилась слишком жестокой. „Он просил их открывать это медленно и постепенно чтобы он мог привыкнуть к этому.“ Он задыхался и имел трудности с дыханием…

Вскоре стала видна перемена, теперь он мог покидать свое тело с необычайной легкостью и быстротой. Возвращение больше не вызывало дрожи. Позже он сказал, что той ночью *они открыли ему центр в голове*. Опять приходил наблюдать человек, которого они не могли видеть.»[47]

Это «отверстие», оставшееся в его голове, может быть ключом к уникальности этого эксперимента и одновременно может объяснить большое любопытство Ледбитера и его беспокойство касательно того, что происходило с Кришнамурти.

Посвящение и закрытие

Если Учителя действительно оставили центр в голове Кришнамурти открытым и это было неотъемлемой частью процесса, тогда это действительно был беспрецедентный эксперимент. Малоизвестное фундаментальное правило, касающееся открытия психических центров, состоит в том, что они должны быть снова запечатаны особой процедурой, которая является частью некоторых посвящений в вечную мудрость. Говорят, что во время самого посвящения кандидат внезапно испытывает уровни осознанности и измерения бытия, которые за пределами обычного сознания. Это возможно по причине открытия или оживления некоторых чакр, наряду с соответствующими изменениями в мозге, но интенсивность этого опыта и напряжение, которое он накладывает на нервную систему, требуют того, чтобы чакры были снова закрыты, а кундалини вернули обратно в коренную чакру в основании позвоночника. Согласно литературе, если это не сделано, кандидат может стать сумасшедшим или испытать повреждение или даже разрушение какого-нибудь физического органа, а в некоторых случаях и умереть. Однако после закрытия кандидат может снова понемногу поднимать кундалини, каждый раз открывая психические центры чуть больше и постепенно привыкая к новым измерениям сознания, пока наконец для него не станет безопасно действовать на этих уровнях без опасения насчёт того, что что-то пойдет не так.

В силу крайней секретности, сопровождающей посвящения вечной мудрости, в печати касательно этого доступно очень немногое, однако некоторая информация доступна обходным путем. Ледбитер, ставший в 1914 году епископом [Либеральной Католической Церкви], дал ясновидческие описания некоторых христианских ритуалов в своей книге «Наука священнодействий», которая включает в себя изображения, представляющие то, что по его словам он смог увидеть. Он объясняет что для каждого материального события есть соответствующий ему поток энергии, состоящий из ультра-субатомических частиц. Он называл эти частицы предельными физическими атомами и описывал их как округлые сердцеобразные вихри, движущиеся по ясно очерченным линиям энергии. Ученый Стивен Филипс позже отождествил их с тем, что мы сейчас называем кварками.[48] Ледбитер отождествлял эти линии энергии с самым грубым уровнем материи эмоционального или астрального плана. Кроме того, согласно ощущениям Ледбитера, есть несомненная связь между физической жизнью и психической. Эту тонкую энергию, называемую аурой, можно воспринимать при помощи ясновидения — она видна вокруг живых существ, а также во время выполнения ритуалов.

Интересно что Ледбитер заметил сходство между некоторыми христианскими церемониями которые, в конце концов имеют тоже извечное происхождение, и посвящениями во вневременную мудрость — такими, какие проходил Кришнамурти. Например, он объяснял, что у обряда крещения

«есть и ещё один аспект, типичный для посвящения, к которому молодой член церкви, как можно надеяться, направит свои стопы, когда подрастет. Это освящение и выделение нового набора проводников (состоящих из психической и ультра-субатомической материи) для истинного выражения прибывающей внутри души и для служения Великому Белому Братству. И всё же, у этого есть еще скрытая сторона, касающаяся самих этих новых проводников. Когда эта церемония выполняется правильно и разумно, не может быть сомнения, что её эффект будет мощным, потому это определенно можно назвать актом белой магии, производящим определенные результаты которые влияют на всю будущую жизнь ребенка.»[49]

В конце своего описания ритуала крещения Ледбитер комментирует:

«Как только божественная сила вольется, священник *закрывает центры*, которые он открыл, чтобы эта сила не вышла сразу обратно, но прибывала в ребенке как живая энергия и излучалась из него медленно и таким образом влияла на других. Потому следующим предпринимаемым шагом является другого вида священного масла, хрисма, при помощи которого *центры закрываются*…

Четыре центра, которые были открыты — на лбу, в горле, в сердце и солнечном сплетении — теперь усилием воли священника закрываются. Каждый из этих центров еще увеличен, но остается лишь малое действующее отверстие, подобное зрачку глаза. Когда оно открыто, это подобно тому зрачку, который открылся от того, что в него капнули белладонной.

Теперь же зрачок закрыт до своих нормальных размеров, но остается большая диафрагма, которая лишь немного сжимается после того, как непосредственный эффект церемонии изгладится.»[50]

Тот же самый акт закрытия, согласно Ледбитеру, имеет место и при конфирмации, когда предполагается более сильное открытие психических центров, после которого они запечатываются (курсив мой).

«Как и при крещении, сначала происходит открытие центров силы, которые движутся снизу вверх, *затем наполнение и процесс запечатывания*, который движется сверху вниз.»[51]

Ледбитер дальше объясняет церемонию конфирмации с точки зрения ясновидения:

«Эффект этого помазания велик, это влияние велико даже на тех, кто развит лишь немного. Оно превращает силовой центр в нечто вроде сита, которое отвергает более грубые чувства и влияния и не пропускает грубые частицы. Его можно также уподобить скребку, который ставят у двери, и об который можно снять грязь с ботинок, или кислоте, которая растворяет некие составляющие тонких проводников, другие оставляя нетронутыми. Если в течение дня человек предавался низменным страстям любого рода, будь то ненависти или похоти, такой магнетизированный силовой центр захватывает возбужденные астральные частицы и не пропускает, их пока их вибрации в некоторой мере не будут затушены. Таким же образом, если у человека побуждаются нежелательные эмоции, когда он находится вне физического тела, сито вступает в действие в противоположном направлении и замедляет эти вибрации, когда он переходит обратно к бодрствующей жизни.»[52]

Здесь Ледбитер, похоже, указывает, что церемонии, используемые в основных религиях, равно как и во многих шаманских традициях, являются мифическими указаниями на более глубокие процессы трансформации, которые могут происходить в посвящениях во вневременную мудрость. Его описания проливают некоторый свет на болезненное состояние Кришнамурти и объясняют его собственную озадаченность и озабоченность чакрой в голове Кришнамурти, которая осталась открытой. Вся доступная литература по этому предмету — как древняя так и современная — предостерегает против того, чтобы какой либо из центров оставался незапечатанным. И всё же, согласно Кришнамурти, Нитье и Ледбитеру, по всей видимости это и было частью великого эксперимента над Кришнамурти. Это может объяснить ту мучительную боль, которую он испытывал всю свою жизнь. Также это объясняет и необходимость в постоянной защите всю его жизнь, а потому и в *непрерывном присутствии Учителей в жизни Кришнамурти*.

Критика чистого разума

Закрытие, совершаемое в конце эзотерических посвящений, может иметь мирское соответствие в том, что, пожалуй, является более разумным и менее мистическим в глазах тех, кто не знаком с древней мудростью. Его обеспечили прозрения впервые выданные Иммануилом Кантом (1724–1804) в его «Критике чистого разума», которая стала самой влиятельной работой в философии со времен публикации.[53] Это особенно интригует в свете комментария Блаватской, что Кант вдохновлялся влияниями древней мудрости.[54]

Один из главных тезисов работы Канта, который позже оказал значительное влияние на наше понимание мира, состоит в том, что мы как человеческие существа имеем нечто вроде психологического буфера в восприятии, который позволяет нам разумно оценивать мир вокруг нас. На нас постоянно влияет огромное количество захлестывающих впечатлений из внешнего мира. То, что Кант называет нашим пониманием, выбирает из множества этих восприятий и классифицирует избранные восприятия в фиксированное количество категорий (а именно 12). Наш организм выбирает в первую очередь те восприятия, которые актуальны для нашей повседневной жизни и нашего благосостояния и отстраивается от огромного большинства других стимулов.

Избранные ощущения и восприятия могут быть в чём-то произвольными и не охватывающим полный диапазон возможного выбора. Однако без этого буфера мы бы могли сойти с ума; мы не смогли бы интерпретировать то, что с нами происходит, и были бы не в состоянии иметь какой-либо опыт, который можно назвать человеческим. С другой стороны, по причине этого мы никогда не можем воспринять нуменальное, то есть мир, «каков он есть сам по себе», по словам Канта. Мы должны довольствоваться феноменальным миром, данным нам нашими «формами восприятия» (пространством и временем) и нашим пониманием, которое функционирует в понятиях двенадцати категорий. Потому наука не есть исследование мира, каков он есть, а лишь манипуляция и описание того способа, которым мы воспринимаем мир.

По той же причине согласно Канту и другим выдающимся философам, которые последовали за ним, невозможно заниматься метафизикой. Метафизика есть попытка описать то, что *есть*, «как оно есть само по себе», а наши ограничения как живых существ не позволяют нам сделать это.* То, что мы называем метафизикой потому состоит из бесплодных попыток аналитического ума представить, что он может описать нуменальное, тогда как его царство — это исключительно феноменальное. Можно провести аналогию между этой самозащитной разборчивостью, которую согласно Канту мы все применяем при восприятии мира и тем закрытием, которое согласно Ледбитеру происходит в конце посвятительных церемоний.** В обоих случаях имеет место нечто вроде фильтра, который защищает нас от получения большего количества впечатлений, чем мы можем обработать, оставаясь в здравом и не теряя связь со своим опытом. В этом контексте нас может заинтриговать, как Гурджиев использовал слово «кунда-буфер» — по всей видимости, неологизм, состоящий из *кундалини* и *буфер*, чтобы указать нам на «особый орган», который дает нам возможность воспринимать так, как мы это делаем.[55]

Третий глаз

Еще один элемент, который вносит свой вклад в уникальность процесса Кришнамурти, это то, что хотя в отчетах есть многочисленные упоминания о кундалини, поднимающейся по позвоночнику, там не делается никакого упоминания о чакрах, расположенных вдоль него. Вместо этого все упоминания, которые могут касаться чакр, указывают на голову как на то место, где происходит деятельность. Поскольку кундалини была пробуждена, чакры вдоль позвоночника, вероятно, тоже оживились, учитывая, что кундалини всегда, как говорят, начинает с основания позвоночника. Так что дело не в том, что в позвоночнике не было никакой деятельности, а

* Это ограничение касается лишь человека, ограниченного физическим планом и соответствующего ему уровня ума. — *Прим. пер.*

** В своих описаниях посвящений Ледбитер ни о чём таком не упоминает, а все подобные описания у него относятся именно к христианским обрядам. — *Прим. пер.*

скорее в том, что «операция» осуществлялась в голове. Какую бы роль центры ниже головы ни играли, представляется, что она была сравнительно незначительной.

Тем, кто знает о чакрах из тантрической литературы и нью-эйджа, это может показаться странным, однако учителя, руководившие процессом Кришнамурти — те, кто, собственно, и запустили возрождение интереса к вневременной мудрости, и которые были ответственны за большинство книг Блаватской, очевидно, работали с иным набором чакр, все из которых описываются как находящиеся в голове. Психические центры, о которых говорится как о чакрах в тантрической и нью-эйджевой литературе, учителя Блаватской называли «плексусами».* Учитывая, что эти вечные учителя были ответственны за большинство сочинений Блаватской,[56] следующая цитата из её труда представляет особый интерес в связи с процессом Кришнамурти:

> «Наши семь чакр все расположены в голове, и именно эти основные чакры являются теми, которые управляют и правят семью (ибо имеется семь) главными плексусами в теле, кроме сорока двух меньших плексусов, которым физиология в этом названии отказывает. Тот факт, что никакой микроскоп на объективном плане не может такие центры усмотреть, ничего не значит; никакой микроскоп никогда не различил и не различит разницы между двигательными и сенсорными нервами-трубками, проводниками всех наших телесных и психических чувствований, и все же одна только логика доказывает, что такая разница существует. И если термин „плексус" в этом применении не представляет западному уму идеи, раскрытой этим термином анатома, то называйте их чакрами или падмами, или колесами, Лотосовым Сердцем и лепестками. Помните, что физиология, как бы несовершенна она ни была, показывает семеричные группы по всей внешности и внутренности тела; семь головных отверстий, семь „органов" у основания мозга, семь плексусов: зевной, гортанный, кавернозный, сердечный, надчревный, простатический и крестцовый и т. д. ...
>
> Когда наступит время, членам эзотерической секции будут даны мельчайшие подробности об основных чакрах, но прежде чем их научат пользоваться этими чакрами, нужно будет научиться менее сложным вещам.»[57]

Это высказывание глубоко интригующее, потому что единственное, к чему его можно применить — это как раз к процессу, происходившему с Кришнамурти. Значило ли это что Учителя дали завуалированное упоминание об уникальном эксперименте, который они готовились предпринять позже? Это появилось в «Эзотерических инструкциях Блаватской», которые первоначально были доступны только членам Эзотерической Школы Теософии, но позже, по просьбе Блаватской, стали доступны публике. В другом месте инструкций Блаватская учит сравнивать понимание чакр и кундалини с пониманием тантристов:

> «Тот, кто изучил обе системы, раджа и хатха-йоги, обнаруживает огромную разницу между ними: одна чисто психофизиологическая, другая же чисто психодуховная. Кажется, что тантрики не идут выше шести зримых и известных плексусов, каждому из которых они присоединяют таттву; а то большое значение, которое они придают главному из них, муладхара чакре (крестцовому плексусу), показывает материальный и эгоистический уклон их усилий к приобретению сил. Их пять дыханий и пять таттв главным образом сосредотачиваются на предстательном, надчревном, сердечном и ларинговом плексусах. Почти игнорируя аджню, они определённо невежественны относительно синтезирующего фарингового плексуса.
>
> Но у последователей старой школы дело обстоит по-другому. Мы начинаем с овладения тем органом, который расположен у основания мозга, у глотки, и западными анатомами называется гипофизом. В ряду объектных черепных органов, соответствующих субъектным таттвическим принципам, он относится к третьему глазу (шишковидной железе) так же, как манас к буддхи. Пробуждение третьего глаза должно быть совершено этим сосудистым органом, этим незначительным маленьким телом, о котором, опять-таки, физиология ничего не знает. Один является энергетизатором воли, другой — ясновидения.»[58]

Эта оценка указывает на ещё одну причину того, почему любой формой кундалини-йоги можно заниматься только под руководством учителя вневременной мудрости. «Материальное и эгоистичное приобретение сил», которое может быть связано с этой практикой, что является общим для нью-эйджевых кругов, по-видимому, указывает на психологические опасности — новичок не имеет средств выяснить это, пока не будет слишком поздно. Это указывает на ещё одну причину того, почему «оккультизм» не является частью нового подхода к вневременной мудрости, примером чего и были наблюдения и прозрения Кришнамурти. Если ясновидение и другие «способности» развиваются как естественный результат перенаправления энергий на глубинных уровнях, как подразумевает «умирание для известного», это не будет причинять никакого вреда. Но искать сил, когда ещё являешься пленником замкнутых петель мозга и эгоцентризма — это может быть очень опасным.

Опыт Кришнамурти с чакрами исключительно в голове, как ничто иное показывает преемственность и подтверждение этого редкого учения, данного учителями Блаватской. Также интересно, что уже в 1961 году в своей записной книжке Кришнамурти упоминал этот процесс как «операцию, происходящую глубоко внутри», отмечая, что «давление и напряжение шли из задней части головы, через нёбо к макушке головы». И он мог проснуться посреди ночи с криком и стоном, так как давление и напряжение со своеобразной головной болью было очень интенсивным.[59]

По всей видимости, физиологи времён Блаватской и обычные тантристы были не единственными, кто не был знаком с открытиями вечных учителей в человеческом организме. Даже Ледбитер и Безант, которые были посвящены в кое-что из этой информации, в тех местах, где они говорят о своём собственном опыте с чакрами, упоминают исключительно то, что в «Эзотерических инструкциях Блаватской» названо «плексусами» — центрами вдоль позвоночника. Свидетельства указывают на то, что Ледбитер просто не знал из личного опыта чего-либо подобного предельно тонкой психо-биологической операции на мозге, которую проделали над Кришнамурти. Тот факт, что это столь отличалось от собственного опыта и знаний Ледбитера, скорее всего и был причиной его беспокойства по поводу происходящего с Кришнамурти. Это объясняет, почему он

* Чакры не являются грубо-физическими, тогда как «плексусы» — это нервные сплетения, обнаруженные физиологами; они связаны с чакрами, но не тождественны им. — *Прим. пер.*

признал своё невежество и заявил что не остаётся ничего, кроме как «ждать и наблюдать».*

Важной частью этой утончённой формы «хирургии на мозге» может быть открытие третьего глаза. Согласно учителям Блаватской, шишковидная железа изначально — миллионы лет назад — была вполне действующим физическим глазом сзади головы, который позволял предшественникам человеческого вида быть ясновидящими. Однако когда обычное восприятие стало более важным для физического выживания, третий глаз удалился во внутренность головы.

В конце XX столетия, более чем через 100 лет после смерти Блаватской, физиологи ещё знают очень мало о функциях шишковидной железы, хотя та небольшая информация, которая стала доступна, во всех отношениях подтверждает заявления, сделанные Блаватской на эту тему.[60] Любопытно что современная физиология отождествила затылочную область как в первую очередь зрительную часть мозга — возможно, это остаток того, что Блаватская и её учителя считали его древней функцией. Далее одна из немногих вещей, известных о шишковидной железе, состоит в том, что её функция связана с нашими откликами на свет и темноту — это тоже визуальная функция. Более того, даже физиологи теперь упоминают шишковидную железу как третий глаз, поскольку они теперь знают, что у беспозвоночных и некоторых низших позвоночных эта железа функционировала в качестве глаза. Таким образом, их наблюдения и даже сам язык очень близки к тому, что употребляется в работах Блаватской.[61]

Открытие внутреннего глаза

Учителя Блаватской говорили, что шишковидная железа, которая в настоящее время в значительной мере неактивна и атрофирована, может быть вновь активирована. И со временем это происходит у всё большего количества людей, и медленно эта железа вновь вернёт свою важность как орган восприятия для большинства из нас. Если сравнить это с тем, как использовали третий глаз наши предшественники, можно сказать, что в будущем его использование будет интегрировано с другими способностями, которые мы с тех пор развили — с такими как большее господство над окружающей нас средой. Физические тела учителей, например, как утверждают, уже включили в себя некоторые из этих изменений, что позволяет им воспринимать мир отлично от того, как воспринимают его простые люди.

В мозге современного человеческого существа физически, а потому и психологически, доминирует сравнительно большая лобная доля, а также разделение коры головного мозга, куда входит и лобная доля, на левое и правое полушария, о чём было так много написано.[62] Шишковидная железа атрофирована. Гипофиз, который, по мнению современных физиологов, первоначально был чем-то вроде рта, теперь стал регулятором практически всего, что имеет отношение к метаболизму. Разрез мозга, если его разделить через середину слева на право, открывает, что и гипофиз, и эпифиз (шишковидная железа) находятся точно в центре — первый сразу за глазами, а второй чуть выше и чуть дальше. Согласно учителям Блаватской, эти и другие органы — те самые, что связаны с семью чакрами, находящимися в голове, и в будущем будут развитые люди, у которых кора мозга перестанет иметь такое преобладающее значение как сейчас. < … >

Возможно, эксперимент, проделанный над Кришнамурти, указывает на восход новой эры в нашей эволюции, истинную психобиологическую мутацию. Однако у происходящего может быть и другой аспект. Незадолго до своей смерти Кришнамурти заметил, что всю свою жизнь он был проводником «огромной энергии и огромного разума»[63]. Этот эксперимент мог подготовить мозг Кришнамурти так, чтобы он был в насколько это возможно большем раппорте с мозгом учителя учителей — Господа Майтрейи, которого христиане называют Христом. Иная физиология Учителей предполагает способ переживания мира, не ограниченный двойственной логикой, которая присуща нынешнему преобладанию расщеплённой коры мозга. Так что восприятие мира, возможно, уже не будет ограничено по сути враждебными терминами, которые присущи обусловленным временем и пространством представлениями о «я» и «не я». Послание Кришнамурти определённо не допускает компромиссов с насилием и страхом, которые всегда подразумеваются в дуальной логике и в этом ограниченном пространством и временем восприятии мира. Он страстно настаивал на целостном, синтезирующем и недвойственном взгляде на то, *что есть*.

Ссылки на литературу

1. Pupul Jayakar. *Krishnamurti: A Biography».*
2. Krishnamurti, *«The First and Last Freedom», «Commentaries on Living».*
3. Mary Lutyens, *Krishnamurti: The Years of Fulfilment*, New York: Farrar, Straus, & Giroux, 1983, p. 30.
4. Чтобы познакомиться с отношением Кришнамурти к вопросу об авторитетах в психологической и духовной областях, см. например главу «Зачем духовные наставники?» в книге «Первая и последняя свобода» — *The First and Last Freedom*, New York: Harper & Row, 1954, pp. 150-53.
5. Одно из многих заявлений Кришнамурти о нужности учителя как того, кто указывает, см. например его разговор со свами Венкатесанандой в книге «The Awakening of Intelligence», pp. 139-41.
6. Упоминания Учителей, Господа Майтреи и места Кришнамурти как аватары, согласно его пониманию см. J. Krishnamurti, *Truth and Actuality*, New York: Harper & Row, 1978, pp. 86-89.
7. Дэвид Бом в фильме Майкла Мендизы *Krishnamurti: With a Silent Mind*, Ojai: Krishnamurti Foundation of America, 1989.
8. Lutyens, *Years of Fulfilment*, p. 207.
9. Есть многочисленные труды, рассматривающие свидетельства присутствия Учителей вневременной мудрости в первые десятилетия работы Теософического Общества. Кроме прочих, цитированных ранее, среди лучших — это книга Крэнстон о Блаватской и дневники Олкотта в 6 томах — Cranston, *HPB*; Henry Steel Olcott, *Old Diary Leaves, The True Story of the Theosophical Society*, 6 vols., Adyar: Theosophical Publishing House, 1941-1975 [1895-1935].
10. Pupul Jayakar, *Krishnamurti: A Biography*, San Francisco: Harper & Row, 1986, p. 50.
11. Mary Lutyens, *Krishnamurti: The Years of Awakening*, New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1975, pp. 35-36.

* Сведения о семи центрах в голове и их важной роли публиковались в 20-х годах например А. Бэйли в «Трактате о космическом огне»: «Когда посвящает Мировой Учитель при первом и втором посвящениях, действие триадной силы нацелено на оживление сердечного и горлового центра, и способность синтезировать силу нижних центров сильно повышается. Когда же Жезл своего могущества прикладывает Единый Посвятитель, поток нисходит от монады, и хотя в ответ горло и сердце усиливают свою вибрацию, главное направление силы — в семь головных центров...» (с. 208). Есть непроверенные сведения, что Ледбитер был знаком с этой работой. Но трактат вышел только в 1925 г. В то же время в Индии есть авторы, отрицающие, что процесс пробуждение кундалини должен быть болезненным: «Некоторые жалуются на большие неприятности, связанные с чакрами и кундалини. Но это связано не с чакрами или кундалини, а с артрозом или неврозом... Когда кундалини или чакры становятся активны, все прежние боли исчезают» (Э. Кришнамачарья, лекция «Значение полнолуния») — *Прим. пер.*

12. J. Krishnamurti, *Krishnamurti's Notebook*, New York: Harper & Row, 1976, p. 14.
13. Jayakar, *Krishnamurti*, p. 50.
14. Jayakar, *Krishnamurti*, p. 57.
15. О том, что Кришнамурти был близок к смерти, см. например, Mary Lutyens, *Krishnamurti: The Years of Fulfilment*, New York: Farrar, Straus and Giroux, 1983, pp. 50, 235; а также Mary Lutyens, *Krishnamurti: His Life and Death*, New York: St. Martin's Press, 1990, pp. 100-101, 121.
16. Jayakar, *Krishnamurti*, p. 53.
17. О вечном учении о телах и планах см. Анни Безант, «Древняя мудрость» и её же «Человек и его тела» — Annie Besant, *The Ancient Wisdom: An Outline of Theosophical Teachings*, Adyar: Theosophical Publishing House, 1966 [1897]; *Man and His Bodies*, Theosophical Manual no. 7, London: Theosophical Publishing Society, 1914; а также Ken Wilber, *The Spectrum of Consciousness*, Wheaton, IL: Quest, 1993 [1973].
18. Отличное и тем не менее простое объяснение места элементалов в жизни кандидата на посвящение во вневременную мудрость, см. в книге Алкиона (Кришнамурти) «У ног Учителя» — Alcyone [J. Krishnamurti], *At the Feet of the Master*, Wheaton: Quest, 1974 [1910], pp. 5-27; а также в книге Ч. Ледбитера «Скрытая сторона вещей» — C. W. Leadbeater, *The Hidden Side of Things*, Adyar: Theosophical Publishing House, 1974 [1913], pp. 54-55.
19. Jayakar, *Krishnamurti*, p. 199.
20. См. например Фритьоф Капра, «Дао физики» — Fritjof Capra, *The Tao of Physics*, New York: Bantam, 1977; а также Karl Pribram, *Languages of the Brain*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1971.
21. J. Krishnamurti, *Commentaries on Living*, second series, New York: Harper & Row, 1958; *Think on These Things*, New York: Harper & Row, 1964.
22. Lady Emily Lutyens, *Candles in the Sun*, London: Hart-Davis, 1957.
23. Об эпизоде с книгой *Candles in the Sun* см. Mary Lutyens, *Krishnamurti: The Years of Fulfilment*, New York: Farrar, Straus and Giroux, pp. 82-90.
24. Об изменениях в языке Кришнамурти см. Yvon Achard, *Le langage de Krishnamurti: l'évolution spirituelle de Krishnamurti et l'évolution de son langage*, Paris: Le Courrier du Livre, 1970.
25. Jayakar, *Krishnamurti*, pp. 292-93.
26. Jayakar, *Krishnamurti*, p. 293.
27. Jayakar, *Krishnamurti*, p. 293.
28. Jayakar, *Krishnamurti*, p. 439.
29. Lutyens, *Years of Fulfilment*, p. 234.
30. Ingram Smith, *Truth is a Pathless Land: A Journey with Krishnamurti*, Wheaton: Quest, 1989, pp. 20-21. Он также повторяет эту историю в фильме М. Мендисы «Krishnamurti: With a Silent Mind», Ojai: Krishnamurti Foundation of America, 1989.)
31. J. Krishnamurti, «The Immortal Friend» в сб. «From Darkness to Light: Poems and Parables», т. I собр. соч. Кришнамурти: *The Collected Works of Krishnamurti*, San Francisco: Harper & Row, 1980, pp. 56-57.
32. Pupul Jayakar, *Krishnamurti: A Biography*, San Francisco: Harper & Row, 1986, p. 31.
33. Jayakar, *Krishnamurti*, p. 31.
34. Е.П. Блаватская, «Тайная доктрина», т. III. — Blavatsky, Collected Writings, vol. 12, p. 600; Secret Doctrine, vol. 5, p. 465; Instructions, p. 74.
35. Krishnamurti, «The Immortal Friend», in «From Darkness to Light», c. 60, 61.
36. Lutyens, *Years of Fulfilment*, p. 236.
37. Mary Lutyens, *The Open Door*, London: John Murray, 1988, p. 56; см. также Lutyens, *Years of Fulfilment*, pp. 229-31.
38. О теории морфического резонанса см. Rupert Sheldrake, *The Presence of the Past: Morphic Resonance and the Habits of Nature*, London: Collins, 1988; и Rupert Sheldrake, *The Rebirth of Nature: The Greening of Science and God*, New York: Bantam, 1992 [1991].
39. О групповых душах см. C. Jinarajadasa, *First Principles of Theosophy*, Adyar: Theosophical Publishing House, 1921, pp. 115-118; а также А. Безант «Исследование сознания» — Annie Besant, *A Study in Consciousness: A Contribution to the Science of Psychology*, Adyar: Theosophical Publishing House, 1972 [1904], p. 96.
40. О заявлении Кришнамурти, что Учитель не явится снова ещё в течение пятисот лет, см. выступление Дорис Пратт в фильме М. Мендизы *Krishnamurti: With a Silent Mind*, Ojai: Krishnamurti Foundation of America, 1989.
41. Jayakar, *Krishnamurti*, pp. 53-55.
42. Ч. Ледбитер, «Учителя и путь» — C. W. Leadbeater, *The Masters and the Path*, Adyar: Theosophical Publishing House, 1959 [1925], p. 213.
43. Jayakar, *Krishnamurti*, p. 57.
44. Lutyens, *Years of Awakening*, pp. 193-4.
45. Lutyens, *Years of Awakening*, p. 182.
46. Lutyens, *Years of Awakening*, p. 171.
47. Jayakar, *Krishnamurti*, pp. 55-56.
48. Stephen M. Phillips, *Extrasensory Perception of Quarks*, Wheaton: Theosophical Publishing House, 1980.
49. C. W. Leadbeater, *The Science of the Sacraments*, Adyar: Theosophical Publishing House, 1957 [1920], p. 292.
50. Leadbeater, *Science of the Sacraments*, pp. 303, 305.
51. Leadbeater, *Science of the Sacraments*, pp. 318-19.
52. Leadbeater, *Science of the Sacraments*, pp. 304-5.
53. И. Кант, «Критика чистого разума». Immanuel Kant, *Critique of Pure Reason*, translated by Norman Kemp Smith, New York: St. Martin's, 1965 [1781].
54. О влиянии, оказанной вневременной мудростью на Канта, см., например, Е.П. Блаватская, «Тайная доктрина», т. II — H.P. Blavatsky, *Secret Doctrine*, vol. 2, pp. 325-28.
55. Упоминание кундабуфера см. у Г.И. Гурджиева, «Рассказы Вельзевула своему внуку» — G. I. Gurdjieff, *Beelzebub's Tales to His Grandson: An Objectively Impartial Criticism of the Life of Man*, New York: Dutton, 1978 [1950]; а также указатель к нему: *Guide and Index to G.I. Gurdjieff's All and Everything: Beelzebub's Tales to his Grandson*, Toronto: Traditional Studies Press, 1973 [1971].
56. Касательно авторства трудов Е.П. Блаватской, см. Boris de Zirkoff, *Rebirth of the Occult Tradition: How the Secret Doctrine of H.P. Blavatsky Was Written*, Adyar: Theosophical Publishing House, 1977; а также Boris de Zirkoff, «How "Isis Unveiled" Was Written», вводное эссе к «Разоблачённой Изиде» в т. I собрания сочинений Блаватской: H. P. Blavatsky, *Collected Writings*, 15 vols., Adyar: Theosophical Publishing House, 1960.
57. H. P. Blavatsky, *Collected Writings*, 15 vols., Adyar: Theosophical Publishing House, 1987 [1980], vol. 12, pp. 619, 620; H. P. Blavatsky, *The Secret Doctrine*, 6 vols., Adyar: Theosophical Publishing House, 1971 [1888], vol. 5, pp. 483, 484; H. P. Blavatsky, *The Esoteric School of Theosophy Instructions*, Glasgow: William McLellan & Co., 1921, pp. 92, 93.
58. Blavatsky, *Collected Writings*, vol. 12, pp. 616-617; *Secret Doctrine*, vol. 5, pp. 480-81; Blavatsky, *Instructions*, pp. 89-90.
59. Krishnamurti, *Notebook*, pp. 16, 14, 15.
60. О приоритете Блаватской в области определения некоторых функций шишковидной железы см. её утверждения в «Инструкциях для Эзотерической школы», например, в свете работы Philip Lansky, *Neurochemistry and the Awakening of Kundalini* в John White, ed., *Kundalini, Evolution, and Enlightenment*, New York: Paragon House, 1990 [1979].
61. Упонимание в медицинской литературе шишковидной железы как третьего глаза см., например, Edwin B. Steen and Ashley Montagu, *Anatomy and Physiology*, vol. 2, New York: Barnes & Noble, 1959, p. 90.
62. См. Sally Springer and Georg Deutsch, *Left Brain, Right Brain*, New York: W. H. Freeman, 3rd ed., 1989 [1981].
63. Mary Lutyens, *Krishnamurti: The Open Door*, London: John Murray, 1988, p. 149.

Джидду Кришнамурти

ГИМН ГОСПОДУ БУДДЕ

1. Видение

Я сидел, грезя, в комнате великого молчания. Раннее утро было тихим и без единого дуновения; великие голубые горы стояли на фоне темного неба, холодного и ясного; вокруг тёмного деревянного дома жёлтые птицы приветствовали солнце. Я сидел на полу со скрещёнными ногами, медитируя, забывая голубые освещённые солнцем горы, птиц, необъятное молчание и золотое солнце. Я потерял ощущение своего тела; мои конечности были неподвижны, расслаблены и в покое. Великая радость безмерной глубины наполнила моё сердце; стремителен и проницателен был мой ум, сконцентрирован; потерян был преходящий мир. Я был полон силы.

Подобно восточному бризу, который внезапно врывается в существо и успокаивает мир, передо мной сидел скрестив ноги, так, как мир знает его, в своём жёлтом одеянии, простой и великолепный, учитель учителей. Глядя на меня, неподвижно могучий сидел. Я посмотрел и склонил голову; моё тело наклонилось вперёд само.

Тот один мой взгляд показал прогресс мира — показал огромное расстояние между миром и величайшим из мировых учителей: как мало было понято и как много он дал; как радостно он парил, убежав от жизни и смерти, её тирании и запутывающего колеса. Просветление достигнуто, он дал миру, как цветок даёт свой аромат, истину.

Пока я смотрел на священные стопы, которые однажды прошли по счастливой пыли Индии, моё сердце наполнилось преданностью, неограниченной и неизмеримой, без старания и усилия.

Я потерялся в этом счастье. Мой ум так легко и так странно понимал истину, которой он желал и достиг. Я потерял себя в этом счастье. Моя душа схватила бесконечную простоту истины. Я потерял себя в этом счастье.

2. Гимн

Ты истина, ты закон, ты прибежище, ты проводник, сотоварищ и возлюбленный. Ты восхитил моё сердце, ты покорил мою душу; в тебе я нашёл своё утешение; в тебе моя истина установлена.

Где ты прошёл, я следую; где ты страдал и победил, собираю я силу; где ты отрёкся, я расту. Бесстрастным, непривязанным, как звёзды я стал. Счастлив тот, кто знает тебя вечно. Как море, необъятна моя любовь; истины я достиг и спокойно растёт мой дух. А вчера я стремился выйти из страдающего мира на уединённое горное место, непривязанный, свободный, удалённый от всех вещей в поисках тебя; и теперь ты появился передо мной.

Я несу тебе своё сердце; куда ни посмотрю — ты там, спокойный, счастливый, наполняющий мой мир — воплощение истины. Моё сердце сильно, мой ум сконцентрирован; я полон тебя. Подобно восточному бризу, который внезапно врывается в существо и успокаивает утомлённый мир, так я осознал. Я истина, я закон, я прибежище. Я проводник, сотоварищ и возлюбленный.

Куда ни посмотрю — ты там, спокойный, счастливый, наполняющий мой мир — воплощение истины. Как замечают свет издалека, в темноте я увидел тебя. Я шёл к тебе много жизней, в печали, в радости, в сомнении, в подозрении, через колючки и светлые поля, по мостовым многолюдных городов. Я знал с самого основания земли о твоём великолепии, твоём существовании, о красоте, которая волновала мою душу.

Никогда не был я уверен, никогда не было мне позволено быть в мире с собой, с человеком или ясными небесами. Из великой неуверенности уверенность рождается. Подобно восточному бризу, который внезапно врывается в существо и успокаивает утомлённый мир, так я осознал; я иду с тех пор в твоей тени.

Поскольку ты мой вечный товарищ я силён — силён, как поток, который устремляется вниз с горного склона. Я непоколебим, потому что ты — мой советник; потому что от тебя я полон видения. Потому что ты послал меня (я как ничто, как проносящийся ветер), но потому что ты показал себя мне, я как реки, танцующие на пути в море. По причине твоего приглашения, всё, что я делаю — для тебя. Моё сердце в огне, потому что приближаюсь к тебе вечно. Каждое дыхание преображает меня в твой образ, потому что ты дал мне.

Я полон, полон, как океан, хотя все реки текут в него. Твоё величие пробудило твою силу во мне провозглашить с горных вершин твою истину. Твой взгляд сжёг всё загрязнение: я чист, я свят. Как лепесток для розы, ты для меня. Как горная вершина, исчезающая в облаках, моя любовь к тебе исчезает в пространстве. Как в море солнечного света танцуют воды в своём экстазе, так моё сердце танцует из любви к тебе. Как маленькая дождевая капля растворяется в огромном океане, так я потерял себя в тебе. Подобно теням, растущим вечером, моя душа необъятно растёт в твоём свете. Моя любовь к тебе пробудила любовь ко всему.

О человек, что знаешь ты о любви?

Я должен принести весь мир к тебе; я должен сделать тебя их вечным сотоварищем. Они должны знать тебя, как я знаю тебя — вечным, простым, прославленным, источником истины. Зная тебя, они сядут в стороне от своих игрушек, своих маленьких мирков, забав, напыщенности, усложнений своих религий, своих ритуалов, своих церемоний. Потому что ты — конец всей печали, всей радости, всего знания, всех поисков.

Что есть религия? Что есть поклонение? Что есть храмы и алтари мира? Ты — назначение всех вещей; в тебе одном лежит просветление и счастье мира. Куда ни посмотрю — ты там, спокойный, счастливый, наполняющий мой мир. Я истина, я закон, я прибежище, я проводник, сотоварищ и возлюбленный.

Солнце садилось, пока я стоял на вершине холма, наблюдая, как оно исчезает за горами. Посреди этого свечения, одетый облаками жёлтого, ты сидел. Все огромные небеса были в восхищении; небо, облака в жёлтых одеяниях были твоими служителями, твоими учениками. Смертный мир соединился в твоём восхи-

щении в криках радости — птицы, удалённая долина, проезжающие автомобили вдалеке, сверчки, кузнечики, ветер в деревьях. Чёрные горы стояли изумлённые в своём танце, пугаясь своего собственного могучего вида. Тогда в полнейшем молчании все вещи воспринимали тебя, как ты есть. В этом великом молчании огромное желание родилось во мне — привести мир к тебе, к твоему совершенству, к твоему счастью. Ты — единственный алтарь, хотя люди поклоняются за алтарями во многих храмах; твоя — единственная неумирающая истина, хотя люди могут одеть её во многие имена. Твоё одеяние — небо.

Я люблю мир и все вещи в нём; я принесу его для поклонения тебе, для службы тебе, потому что твоя красота есть истина. Необъятное счастье наполнило моё существо, потому что я нашёл тебя. Ты не исчезнешь, хотя бы и тысяча солнц сели за горами. Как не бывает закат никогда тем же самым, изменяясь постоянно изо дня в день, так моё желание тебя становится более великолепным, более совершенным. Оно будет наполнять сердца всех людей, пока твоё совершенство не будет постигнуто. В твоём глазу и смерч, и мягкий бриз, и священный Химават, и низменные равнины, счастливая долина и голубые небеса; все вещи в тебе. Ты счастье мира; путь счастья — это путь истины.

Как дождь очищает дерево у дороги, так пыль веков отмылась во мне. Как дерево сверкает на солнце после мягкого дождя, так моя душа восхищается в тебе. Как дерево, обращающееся к корням как источнику своей неизмеримой силы, так я смотрю на тебя, являющегося корнем моих сил. Как дым поднимается к небесам прямой колонной в тихий вечер, так и я расту к тебе. Как маленькая лужа на дороге отражает лицо небес, так моё сердце отражает твоё счастье. Как одинокое облако, которое зависает над горой, предметом зависти долины, так и я висел из поколения в поколение в уединённом месте. Как огромное облако, несущееся перед могучим ветром, спускаюсь я в долину — в долину, где печаль и преходящее счастье, где рождение и смерть, где тень и свет, где борьба и временный мир, где комфорт застоя, где думать — значит горевать, где чувствовать — создавать печаль. В эту долину я спущусь, потому что я победил — потому что ты во мне рождён.

Как свет проницает темноту, так твоя истина проникнет в мир; как дождь очищает землю и все вещи на ней, так очищу я мир твоей истиной. Многие века многие жизни я готовился; но теперь, смотри! — чаша полна; мир будет пить из неё. Человек будет вырастать в твою божественность; твоё счастье будет сиять на его лице, поскольку твой посланец пойдёт вперёд.

Я тот, кто открывает сердца людей, кто приносит утешение. Я истина, я закон, я прибежище, я проводник, сотоварищ и возлюбленный.

Джидду Кришнамурти

КТО ПРИНОСИТ ИСТИНУ?

Выступление в Эерде 2 августа 1927 г.

Когда я начал думать сам, а это было несколько лет назад, я обнаружил, что бунтую. Я не был удовлетворён никакими учениями, никакими авторитетами, я хотел выяснить сам для себя — что же значит для меня Мировой Учитель, и какая истина стоит за формой Мирового Учителя. Прежде чем я начал думать самостоятельно, прежде чем я приобрёл такую возможность, я принимал как само собой разумеющееся, что я, Кришнамурти, был проводником для мирового Учителя, потому что многие утверждали, что это так. Но когда я начал думать, мне захотелось выяснить, что же подразумевается под Мировым Учителем, и что подразумевается под занятием им проводника и его проявлением в мире. Я намеренно стараюсь выражаться неясно, ведь хотя я мог бы совершенно легко выразить это определённо, у меня нет такого намерения, потому что как только вы определите вещь, она станет мёртвой. Если вы сделаете вещь определённой — по крайней мере, так я утверждаю, — вы станете давать интерпретацию, которая в умах других примет определённую форму, а потому они будут связаны этой формой, из которой им придётся освобождаться.

То, что я собираюсь вам сказать, не основывается на авторитете, и вы не должны повиноваться, но вам нужно понять. Это не вопрос авторитета и не установленных линий, которым нужно слепо следовать — чего большинство вас и хочет. Вы хотите, чтобы я изложил вам закон, сказал вам: я тот-то и тот-то, а вы бы сказали: отлично, мы будем работать для тебя. Я не поэтому объясняю, а чтобы мы могли понять друг друга, помочь друг другу. Я хотел бы, чтобы вы увидели вещи, которые вы можете увидеть сами, возможно в этой жизни, а возможно и в какой-нибудь будущей.

Когда я был маленьким мальчиком, я обычно видел Шри Кришну с флейтой, таким, как его рисуют индусы, потому что моя мать поклонялась ему. Она рассказывала мне о нём, и потому я создал у себя в уме образ Шри Кришны с флейтой, со всем благоговением, со всей любовью, со всеми песнями и радостью — вы не представляете, какая великая это вещь для мальчиков и девочек Индии. Когда я подрос, то встретился с Ч. Ледбитером и Теософическим Обществом. Я начал видеть Учителя К. Х. — опять в форме, которую мне представляли, это была реальность с их точки зрения, и потому Учитель К. Х. стал для меня целью. Позже, по мере того, как я рос, я стал видеть Господа Майтрею. Это было два года назад и я видел его постоянно в той форме, которую мне представили. Я рассказываю вам всё это не для того, чтобы приобрести авторитет или создать веру, а лишь чтобы укрепить ваши собственные верования, ваши собственные надежды, ваши собственные умы и сердца. Я всё время боролся, чтобы найти Истину, потому что я не был удовлетворён авторитетом другого, или указом другого, или очарованием другого; я хотел открыть сам, и естественно, что для этого мне пришлось пройти через страдания. Позже это был уже Будда, кого я видел, и быть с ним было моей радостью и моей славой. Меня спрашива-

ли, что я имею в виду под «Возлюбленным» — я дам вам смысл, объяснение, которое каждый из вас истолкует, как ему будет угодно. Для меня это всё — это Кришна, это Учитель К. Х., это Майтрея, это Будда, и всё же это за пределами всех этих форм. Какое значение имеет имя, которое вы даёте? Вы боретесь за Мирового Учителя как за имя. Мир не знает о Мировом Учителе; некоторые из нас знают лично, некоторые верят авторитету, другие имеют собственный опыт, собственное знание. Но это вещь индивидуальная, и не такой вопрос, о котором мир будет беспокоиться. То, о чём вы беспокоитесь — это есть ли такая личность как Мировой Учитель, который проявил себя в теле определённого человека, Кришнамурти, но в мире этот вопрос никого не беспокоит. Так что вы увидите мою точку зрения, когда я говорю о моём Возлюбленном. Это несчастье, что мне приходится объяснять, но я должен. Я хочу объяснить так смутно, как возможно, и надеюсь, мне это удаётся. Мой Возлюбленный — это открытое небо, это цветок, это каждое человеческое существо.

Я сказал себе: пока я не стану един со всеми Учителями, не имеет никакого значения, те они самые или другие; Кришна ли это, Христос, или Майтрея, это опять же особо ничего не решает. Я сказал себе: пока я вижу их снаружи как образы, как предметные вещи, я — отделен, я удалён от центра, но когда у меня есть способность, сила, решительность, когда я очищен и облагорожен, тогда этот барьер, эта отделённость, исчезнет. Я не был удовлетворён, пока этот барьер не был разбит, пока эта отделённость не была разрушена. И пока я не мог говорить с уверенностью, без недолжного возбуждения, или преувеличения, чтобы убедить других, пока я не был един со своим Возлюбленным, я никогда не говорил. Я говорил в смутных общих словах, которых хотели все. Я никогда не говорил: «Я Мировой Учитель», но теперь, когда я чувствую, что един с Возлюбленным, я говорю это — не чтобы навязать вам свой авторитет, не чтобы убедить вас в своём величии или величии Мирового Учителя, ни даже в красоте жизни, простоте жизни — но просто чтобы пробудить в ваших собственных сердцах и умах желание искать Истину. Если я скажу, а я скажу, что я един с Возлюбленным, то это потому что я чувствую и знаю это. Я нашёл то, чего жаждал, я един, так что отныне не будет отделённости, ибо мои мысли, мои желания, мои чаяния — те, что принадлежали отдельному «я» — уничтожены.

Потому я могу сказать, что я един с Возлюбленным — назовёте вы его Буддой, Майтреей, Кришной, или любым другим именем.

Шестнадцать лет вы поклонялись образу, который не говорил, который вы интерпретировали, как хотели, который вдохновлял вас, давал вам спокойствие и ободрение в моменты депрессии. Вы могли держаться за этот образ, потому что он не говорил, не был живым, не было ничего, в чём могла теплиться жизнь. Но теперь, когда этот образ, которому вы поклонялись, который вы создали для себя, который вдохновлял вас, оживает и говорит, вы спрашиваете: Может ли этот образ, которому я служил, быть прав? Может ли он говорить? Авторитетен ли он? Обладает ли он властью представлять Мирового Учителя? Обладает ли он величием его мудрости и сострадания, полным развитием, и может ли вообще Мировой Учитель быть проявлен в одной индивидуальности? Конечно, это вопросы, которые вы должны решить для себя сами. Помните известную историю про второе пришествие Христа? Он проповедует и приходит наконец в Рим, и Папа приглашает его, тайно падает на колени и поклоняется ему и восхищается им, но держит его в заточении. Он говорит: «Мы поклоняемся тебе в тайне, мы признаём, что ты Христос, но выйдя наружу, ты создашь много проблем; ты заронишь сомнения, тогда как мы стараемся устранить их».

И теперь этот образ начинает оживать, а вы не можете иметь ничего реального, ничего истинного, что не было бы живо. Вы можете поклоняться дереву зимой, но оно более прекрасно весной, когда бутоны, пчёлы и птицы, все миры начинают оживать. В годы зимы вы молчали и не задавали себе вопросов вполне искренне, это было сравнительно легко, но теперь вы должны решить для себя, что всё это значит. Раньше было легко говорить, что вы ждёте Мирового Учителя, и это очень мало значило, но теперь вы оказались лицом к лицу с проблемой — образ становится живым. Собираетесь ли вы всё время поклоняться картине или служить реальности этой картины, должно быть, конечно, оставлено на ваше собственное усмотрение. Для меня это живо. Хотя и я служил этому образу. Я не был удовлетворён просто поклонением, я хотел выяснить, проникнуть за раму этой картины, посмотреть глазами, подумать умом, почувствовать сердцем этой картины. Я не был удовлетворён, и благодаря своей неудовлетворённости, своим печалям, я смог отождествиться с этой картиной и потому я стал ею. В этом нет ничего сложного, ничего сильно таинственного, ничего такого, по поводу чего нужно возбуждаться, чтобы убедить других. Вот когда вы желаете встать под какой-то авторитет, вы сломаетесь, и это совершенно правильно, потому что авторитет меняется изо дня в день. Один день это будет один человек, другой день — другой, и горе тому человеку, которые сгибается перед каким-либо из них или всеми ими. Это как раз то, чего у нас быть не должно, и это то, чего вы пытаетесь добиться. Вы хотите авторитета, который придаст вам храбрости, заставит вас полнее развиваться, но внешний авторитет никогда не даст вам способности развиваться. Истина ли то, что говорит оживший образ, важно это или нет, должны исследовать вы сами.

Моей практикой всегда было слушать всех. Я желал учиться — у садовника, у пария, у неприкасаемого, у соседа, у друга, у всего, к чему я мог прикоснуться, чтобы стать единым с Возлюбленным. Послушав их всех и собрав Истину отовсюду, где я её находил, я смог развиться полно. А вы ждёте, что Истина придёт от одного человека, ждёте, что истина должна быть развита и навязана вам авторитетом, и поклоняетесь вместо Истины этому человеку. Когда Кришнамурти умрёт, а это неизбежно, вы создадите религию, займётесь составлением правил в уме, потому что один человек, Кришнамурти, представлял для вас Истину. Так вы построите храм, начнёте вводить церемонии, изобретать фразы, догмы, системы верований, символы веры, разовьёте философии. Если вы построите великие сооружения на мне, как на фундаменте, то вы окажетесь в ловушке в этом доме, этом храме, и вам понадобится другой учитель, который бы пришёл и освободил вас из этого храма, вырвал вас из этой узости, чтобы освободить вас; но человеческий ум таков, что вы построите другой храм уже вокруг него, и так это будет продолжаться и продолжаться.

Но те, кто понимает, кто не зависит от авторитета, кто держит в своих сердцах всех людей, не будут строить храмов — они действительно поймут. Это потому что лишь немногие по-настоящему желали помочь другим людям, и вот им это оказалось легко понять. Другие же, которые не поняли, хотя и много говорили и об этом, и о том, как им толковать учение, столкнутся с трудностями. Для меня совершенно просто идти в мир и учить. Люди мира не озабочены вопросом, являюсь ли я проявлением, или внутренним обитателем, или пришествием в сосуд, который готовился много лет, или Кришнамурти собственной персоной. Они собираются сказать вот что: Я страдаю. У меня свои преходящие удовольствия и

переменчивые беды — есть ли у вас для меня что-то непреходящее? Вы говорите, что обрели освобождение и счастье — можете ли вы поделиться им, чтобы я мог войти в ваше царство, в ваш мир? Вот всё, что их заботит, а не значки, организации, правила, книги. Они хотят увидеть живые воды, текущие под мостом человеческих существ, чтобы они могли плыть с ними в огромный океан. А вы всё время озабочены тем, как что вы будете толковать. Вы не нашли Истину сами, вы ограничены, и всё же пытаетесь освободить других. Как же вы собираетесь это сделать? Как вы откроете, что истинно, а что ложно, что такое Мировой Учитель и что такое реальность, если вы не очистили от ряски тот пруд, в котором должна отразиться Истина?

Всегда в этой жизни, а возможно, и в прошлых, я желал одного: ускользнуть, быть вне страданий, вне ограничений, открыть своего гуру, или Возлюбленного, который и ваш гуру и ваш Возлюбленный, существующий в каждом, под каждым простым камнем и каждой травинкой, по которым вы ступаете. Моим желанием, моей мечтой было стать единым с ним, чтобы больше не чувствовать отделённости, не ощущать себя другим существом с отдельным «я», и когда я смог уничтожить это «я» полностью, то смог стать единым со своим Возлюбленным. И поскольку я обрёл своего Возлюбленного, свою Истину, я хочу дать это вам.

Я как цветок, который отдаёт свой аромат утреннему воздуху; его не заботит, кто проходит мимо. Он даёт свой аромат, и те, кто счастлив, и те, кто страдает, будут вдыхать его. Но те, кто удовлетворён, кто ни к чему не стремится, кто невнимателен, кто не имеет представления о том, как восхитителен запах, пройдут мимо, не заметив. Вы собираетесь вынудить их остановиться и вдохнуть аромат? Вы озабочены тем, как будете убеждать их. Но почему вы должны их убеждать? Вы убедите лишь тех, кто по-настоящему ищет. Именно потому, что вы сомневаетесь в своём собственном поиске, вы и не ищете по-настоящему; вы удовлетворены своим маленьким знанием, своими маленькими авторитетами. Вы хотите, чтобы они говорили и избавили вас от ваших сомнений. Допустим, некто сможет сказать вам, что я Мировой Учитель. Как это может помочь, как это может изменить Истину? Как придёт понимание в ваше сердце и как придёт знание в ваш ум? Если вы полагаетесь на авторитет, то строите свой фундамент на песке, и волна печали придёт и смоет его. Но если вы строите дом на камне, камне собственного опыта, собственного знания, собственных печалей и собственных страданий, кирпич за кирпичом, опыт за опытом, вот тогда вы сможете убедить других. Пока же вы зависите от двух Хранителей Ордена, полагаясь на авторитет их или кого-то другого, чтобы они сказали вам истину, тогда как Истина внутри вас. В своих сердцах, в своём собственном опыте найдёте вы Истину, и это единственная вещь, которая чего-то стоит. Лишь это избавит вас от бед, рассеет ваши печали, и вот поэтому я чувствую, что должен говорить об этих вещах. В прошлом году я не мог говорить, как я говорю сейчас, что я Учитель, ибо скажи я это тогда, это было бы неискренне, это было бы неправдой. Поскольку тогда я ещё не соединил Исток и Цель, я не мог сказать, что я Учитель. Но теперь я говорю это. Я стал един с Возлюбленным, я сделался простым. Я прославлен благодаря ему, и благодаря ему я могу помогать. Моя цель — не порождать дискуссии об авторитете и о проявлениях в личности Кришнамурти, но дать те воды, которые смоют ваши печали, ваши мелочные тирании, ваши ограничения, чтобы вы были свободны и наконец соединились с тем океаном, где нет ограничений, где Возлюбленный.

Надеюсь, я прояснил это, и тем умам, которые поймут, это должно быть ясно. Ума и сердца, которые нащупывали, искали Истину, жаждали её, они её найдут. Не нужно убеждать, изменять образ жизни тех, кто не хочет измениться, но поскольку я изменился и стал един с Возлюбленным, поскольку нашёл свою цель, которая есть цель для всех, и поскольку стал единым с целью, так как несу любовь, перестрадал, перевидел и нашёл всё, то естественно, что мой долг, моё удовольствие, моя дхарма — дать это тем, у кого этого нет. Даю ли я это через Орден Звезды или через какую-то иную организацию, не имеет значения. Люди не должны беспокоиться о том, через какую организацию это приходит — важно лишь могут ли быть убиты их печали, их удовольствия, их преходящие тщеславие и желания, и займёт ли их место что-то более великое.

Как только вы поймёте истину этого Освобождения и этого Счастья, оно освободит вас от вас самих, от вашего тщеславия, ваших удовольствий, обид и огорчений. Поскольку я достиг Освобождения, я хочу поделиться им с вами, но вы говорите: ты должен дать нам его так-то и так-то, быть в состоянии выдать его в определённой фразеологии, определённым языком. Но имеет ли в действительности какое-то значение, из какого стакана вы пьёте воду, коль скоро она может утолить вашу жажду? Разве важно, кто вас кормит, если эта пища насыщает и укрепляет вас? Но поскольку на протяжении столетий вы привыкли к ярлыкам, вы и на жизнь хотите навесить ярлык. Вы хотите навесить ярлык на Кришнамурти, причём определённым образом, чтобы вы могли сказать: «теперь я понимаю» — и тогда внутри вас наступит мир. Но я боюсь, что так не получится. Можете ли вы упаковать воды моря? Люди пытались, но всегда это кончалось бедой. Я не хочу быть связан, потому что это означает ограничение. Вы не можете связать воздух — вы можете куда-то закачать его, загрязнять его, отравлять его ядом, но весь внешний воздух, являющийся всеобщим достоянием, контролировать вы не можете. И я не собираюсь позволять кому-нибудь меня связывать; я иду своим путём, потому что это единственный путь. Я нашёл то, чего хотел; я стал един со своим Возлюбленным, и мы с ним вместе гуляем по Земле.

Вы никогда, никакой властью, никакими страхами и угрозами проклятия не сможете заставлять людей. Та эпоха прошла. Сейчас эпоха революции и суматохи, сейчас налицо желание узнать всё самостоятельно, а поскольку у вас внутри нет этого желания, вы заточены в мире ограничения. Вы думаете, что нашли, но вы не нашли. Поскольку вы стали уверены в своих маленьких неуверенностях, вы думаете, что может обратить мир.

Когда была построена Эйфелева башня, она думала, что она — самая прекрасная, самая чудесная и самая высокая вещь в мире, пока над ней не пролетел маленький самолётик. Вы думаете, что можете бежать с оленем и рычать со львом, но вы сможете это лишь когда станете едины с Возлюбленным. Нехорошо спрашивать меня, кто Возлюбленный. Что толку от объяснений? Ведь вы не сможете понять Возлюбленного, пока не сможете видеть его в каждом животном, в каждой травинке, в каждом человеке, который страдает, в каждой индивидуальности.

Так что, друзья, единственное, что имеет значение, это то, чтобы вы могли давать те воды, которые утолят жажду людей — людей, которых здесь нет, которые там, в мире. И вода, которая даст удовлетворение, очистит их сердца, облагородит их умы, такова: обретение Истины, и утверждение в их собственных умах и сердцах Освобождения и Счастья.

Джидду Кришнамурти

ПОИСК

Единый с целью

Если вам хотелось бы видеть жизнь ясной картиной, то вы должны, различая и выбирая из ваших многих опытов, собирать знание, которое поможет вам в достижении вашей цели. Жизнь нельзя отделить от мысли, чувства и действия, и когда вы понимаете жизнь, как целое, используя весь опыт как лестницу, по которой взбираетесь, тогда достигаете.

Моя цель — сделать для вас ясными ваши собственные желания, чтобы укрепить ваш собственный уникальный рост в направлении совершенства. Но если вы просто повинуетесь мне или используете меня как авторитет, камень, на который можно встать, идя к цели, вы потерпите неудачу, поскольку то, что убеждает вас, не будет вашим собственным желанием. Когда же вы укрепляете понимание своего собственного желания и используете весь опыт в этом направлении, никто не сможет уничтожить или отобрать то, чего вы добились.

Как из огня исходит искра, которая в свою очередь может разжечь большое пламя, рвущееся в небеса, так и в каждом человеке может зародиться искра желания, и я мог бы укрепить это желание в вас, чтобы вы могли зажечь для себя огонь, необходимый для осуществления жизни.

Следование другому, кем бы он ни был, представляется мне самим отрицанием того, что я считаю истинным. Поклонение противоположно всем моим идеям — особенно поклонение индивидуумам — и если вы считаете меня авторитетом, то когда эта моя форма уйдёт, вы снова окажетесь привязанными к тому же колесу ограничения. Я не хочу последователей, не хочу учеников, не хочу восхвалений или поклонения любого рода. Я ничего ни от кого не хочу.

То время, когда покидали мир и уходили в уединённое место, в монастырь — прошло. Пришло время для открытой жизни и ясного понимания, и я хотел бы сказать о том понимании, которое я нашёл. Я хотел бы показать вам, как я нашёл своего Возлюбленного, и каким образом этот Возлюбленный и я являются одним, так что не может быть разделения сейчас или в любое другое время.

Стены предрассудков

Я долгое время бунтовал против всех вещей — против авторитета других, против их инструкций, против их знания; я не принял бы ничего как истину, пока бы не нашёл истину сам. Я никогда не противостоял идеям других, но я не мог принять их авторитет, их теорию жизни. Пока я не был в этом состоянии бунта, пока я не стал неудовлетворён всем, каждой верой, каждой догмой или верованием, я не мог найти истину. Пока я не мог разрушить эти вещи постоянной борьбой за понимание, что лежит за ними, я не мог найти истину, которую увидел.

Естественно, я не думал обо всех этих вещах, пока был молод — они выросли во мне неосознанно. Но теперь я могу разместить все события своей жизни в надлежащем им порядке и увидеть, каким образом я добился достижения своей цели и стал этой целью.

Долгое время я искал эту цель, и во время моего поиска я наблюдал людей, пойманных своими желаниями подобно мухам, пойманным в паутину. С тех самых пор, как я стал способен думать, я наблюдал людей, поглощённых своими собственными мыслями, удушенных пустотой жизни. Куда бы я ни шёл, я видел людей, которые верили, что их счастье состоит в множестве владений. Я видел людей, обладавших всеми удобствами этого мира, но их жизни тем не менее были в смущении, потому что они были порабощены этими вещами. Я видел людей, любивших очень сильно и тем не менее связанных этой любовью, потому что не могли найти способы дарить любовь и быть при этом свободными. Я видел людей, которые были мудры в знании, но они были связаны самим своим знанием. Я видел людей, которые были погружены в религию и всё же связаны своими традициями и своим страхом перед неизвестным. Я видел, как мудрые удаляются от мира в собственное уединение и невежественные захвачены своими собственными трудами.

Наблюдая таким образом людей, я видел, что они строят для себя стены предрассудка, стены веры, стены доверчивой мысли, стены великого страха, против которого они борются, пытаясь убежать от этих самых стен, которые они сами и построили. Наблюдая за всеми этими людьми, я увидел, как бесполезна их борьба, если они не свободны от самих богов, которым они служат, и от интерпретаторов, которых их ведут. Каждый руководитель, каждый интерпретатор истины транслирует её согласно собственному ограниченному видению. Если вы в своём понимании зависите от интерпретатора, вы научитесь истине только в согласии с его ограничениями. Но если вы сами установите цели, если вы укрепите своё собственное желание истины и проверите его остроту наблюдением, приветствуя печаль и опыт, тогда вам не понадобятся посредники, и ничего не должно будет находится между вами и вашей целью, между вами и истиной.

Я бы хотел быть способным уверить вас в истине, поскольку истина больше, чем всякая книга любой религии, больше любого верования, которое вам дорого. Но поскольку вы не понимаете, истина представляется вам чем-то пугающим, врагом, которого нужно покорить, и по причине этого страха вы ищете посредника. Но если у вас чистое сердце и ум, полный понимания, вам не понадобятся гуру, посредники, которые неизбежно должны обусловить, ограничить истину.

Со своей юности я всегда наблюдал эти вещи и никогда не позволял себе быть захваченным в одно из этих смущений. Поскольку я установил себе цель, поскольку я всегда считал себя лодкой в потоке, не имеющей связи со страной, в которой смущение, я достиг, и теперь мне хотелось бы поделиться своим опытом с другими. Я хотел бы помочь тем, кто смущается сделать свои умы и сердца простыми в своём желании достижения.

Латентный вулкан

Всегда, с тех пор, как я был мальчиком, я, как большинство молодых людей, находился в состоянии бунта.

Ничто не удовлетворяло меня. Я слушал, я наблюдал, я хотел чего-то, что находится за просто фразами, за майей слов. Я хотел открывать и устанавливать для себя свою цель. Я не хотел полагаться на кого-нибудь. Я не помню времени, когда в своём детстве делал что-нибудь шаблонно, но я могу взглянуть назад и увидеть, что ничто не удволетворяло меня.

Когда я отправился в Европу, я впервые жил среди людей, которые были обеспечены и хорошо образованы, которые занимали положение общественных авторитетов, но каковы бы ни были их достоинства и различия, они не могли меня удовлетворить. Я бунтовал также против теософов со всех их жаргоном, их теориями, их встречами и их объяснениями жизни. Когда я приходил на встречу, лекторы повторяли те же идеи, которые не могли удовлетворить меня или сделать счастливым. Я всё меньше и меньше ходил на них и всё меньше и меньше виделся с людьми, которые просто повторяли идеи теософии. Я ставил всё под вопрос, потому что хотел выяснить сам.

Я гулял по улицам, наблюдая лица людей, которые, возможно, наблюдали меня даже с бóльшим интересом. Я ходил в театры; я видел, как люди забавлялись, пытаясь забыть свои несчастья, думая, что они решают свои проблемы, приводя свои сердца и умы в состояние искусственного возбуждения.

Я видел людей, обладающих политическим, общественным или религиозным влиянием — и всё же в их жизнях не было той самой существенной вещи — счастья.

Я посещал митинги рабочих и коммунистов и слушал, что же хотели сказать их лидеры. Обычно они протестовали против чего-нибудь. Мне было интересно, но они не дали мне удовлетворения.

Наблюдением того и иного рода я собирал как бы чужой опыт. Внутри каждого был латентный вулкан несчастья и неудовлетворённости. Я переходил о одного удовольствия к другому, от одного развлечения к другому в поисках счастья и не находил его. Я наблюдал за развлечениями молодых людей, их танцами, их платьями, их выходками, и видел, что они вовсе не счастливы тем счастьем, которое я искал. Я наблюдал людей, имевших в жизни очень мало, которые хотели уничтожить те вещи, что построены другими. Они думали, что что решат жизненные проблемы, разрушив и построив иначе, и всё же они были несчастны.

Я видел людей, которые хотели служить, отправившись в те кварталы, где жили бедные и униженные. Они желали помочь, но были сами беспомощны. Как вы можете вылечить другого от болезни, если сами — её жертва?

Я видел людей, удовлетворённых застоем, который непродуктивен, несозидателен — типа буржуа, которые никогда не пытаются подняться над поверхностью или падают ниже неё, взвешиваясь таким образом.

Я читал книги по философии, религии, биографии великих людей и всё же они не могли дать мне то, что я хотел. Я хотел быть таким уверенным, таким положительным в своём отношении к жизни, чтобы ничто не могло обеспокоить меня.

Тогда я отправился в Индию и увидел, что там люди обманывают себя точно так же, придерживаясь всё тех же старых традиций и жестоко относясь к женщинам. В то же время они называли себя очень религиозными и мазали свои лица пеплом. У них в Индии могут быть самые священные книги в мире, у них могут быть величайшие философии, они могли построить самые удивительные храмы в прошлом, но ничто из этого не могло дать мне того, что я хотел. Ни в Европе, ни в Индии не мог я найти счастья.

Тем не менее я всегда путешествовал в поиске того счастья, которое — я знал — должно существовать. Это была не просто интеллектуальная или эмоциональная убеждённость. Это было подобно скрытому совершенству, которое нельзя описать, но в существовании которого вы уверены. Вы не можете спросить бутон, как он открывается, каким образом он распространяет свой запах, и в какое время утра он раскроется навстречу солнцу. Но если вы наблюдаете внимательно и проницательно, вы откроете для себя скрытую красоту совершенства.

Медитация сердца — это понимание

Всё ещё не имея определённой цели, от которой приходит радость жизни, я отправился в Калифорнию. Обстоятельства направили меня туда, поскольку мой брат был болен. Там среди холмов мы жили в маленьком домике в полном уединении, делая всё сами. Если вы хотите открыть истину, вы должны на время удалиться от мира. В этом уединённом месте мы с братом много разговаривали. Мы медитировали, пытаясь понять, поскольку медитация сердца и есть понимание.

Там я был естественно введён внутрь себя и узнал, что пока у меня не было определённой цели или намерения в жизни, я уподоблялся остальному человечеству, которое носит подобно судну по штормовому морю. С этой мыслью, отбросив всё меньшее, я установил для себя свою цель. Я захотел войти в вечное счастье, стать самой этой целью. Я хотел пить из источника жизни. Я хотел объединить начало и конец. Я установил эту цель, как своего Возлюбленного и этот Возлюбленный есть Жизнь, жизнь всех вещей. Я хотел разрушить разделение, существующее между человеком и его целью. Я сказал себе, что покуда есть пустота разделения между мною и моей целью, есть и привязанность к страданию, беспокойству и сомнению. Будет авторитет, которому я должен буду подчиняться, которому я должен буду уступать. Пока есть разделение между вами и мной, есть и несчастье для нас обоих. Так что я решил разрушить все барьеры, которые ранее воздвиг. Я начал отрекаться, отвергать, отбрасывать собранное мной и мало-помалу я приближался к своей цели.

Когда мой брат умер, это принесло мне великое переживание — не печаль, печаль моментна и уходит, но радость опыта остаётся. Если вы понимаете жизнь правильно, тогда смерть становится опытом, из которого вы можете построить свой дом совершенства, дом восторга. Когда мой брат умер, пропасть разделения всё ещё существовала во мне; я видел его раз или два после смерти, но это не удовлетворило меня. Можете ли вы быть удовлетворены в одиночку? Вы можете изобретать фразы, обладать огромным книжным знанием, но пока в вас разделение и одиночество, есть и печаль. Поскольку я желал утвердить внутри себя жизнь, поскольку я желал стать единым с целью, я боролся. Жизнь — это процесс борьбы, постоянного собирания пыли опыта.

Если вы заблудились тёмной ночью и видите удалённый свет, вы направляете к нему свои кровоточащие стопы через болота, ловушки, трудности, потому что вы знаете, что свет означает человеческое жильё. Так и я боролся и шёл в направлении этого света, моей цели, являющейся целью всего человечества, потому что он сам — человечество.

Все западни, все вещи, что связывают и ранят, преходящи и уходят. Я страдал, но я решил освободиться от всего, что связывало меня, до самого конца, я стал единым с Возлюбленным, я вступил в море освобождения и установил освобождение в себе самом.

Полюбите себя

Простой союз с Возлюбленным, прямой путь достижения, который и есть вечный путь, даёт жизни экстаз. Если вы ищете истину в царствах майи, царстве интеллекта или простой эмоциональности, или в одном лишь физическом чувственном мире, вы никогда её не найдёте. Но уже когда вы найдёте её, то осознаете, что она содержится во всех их. Вы не можете отделить жизнь от любого выражения жизни, и всё же вы должны уметь различать между жизнью и её выражениями.

Поскольку поначалу я пытался отделить жизнь от цели, поскольку для меня жизнь была одной вещью, а знание — другой, всё перепуталось и я обратился за поддержкой к традиции, утешению, самоудовлетворённости и удовлетворению. Если вы воспринимаете свет вашей цели, вы руководствуетесь им, как корабль маяком на тёмном берегу. Когда вы увидели это видение совершенства, та скрытая красота, которую нельзя объяснить в словах, которая за пределами интеллектуальных теорий и простого эмоционального возбуждения, станет действовать, как ваш вечный руководитель, она прольёт свой свет на ваш путь и каков бы ни был ваш опыт или недостаток опыта, вы достигнете. Достижение — не для немногих, но для всех, на какой бы стадии эволюции они ни находились. Вы сможете воспринять Возлюбленного, когда научитесь переводить обычные печали и удовольствия жизни в термины вечной истины. Если вы можете интерпретировать весь опыт в свете своей цели, тогда вы станете едины с ней.

Поскольку я вечно, неразделимо объединён со своим Возлюбленным — который Возлюбленный всего, который вы сами — я хотел бы показать вам путь, поскольку вы находитесь в боли, в печали, в сомнении. Но я могу быть для вас лишь указательным знаком. Вас должны обладать силой своего собственного желания достигнуть. Вы должны стараться сами. Ваше желание должно прийти из самой вашей души. Это должно быть результатом вашего собственного опыта, поскольку только им вы достигнете.

Рассказывая вам о своём достижении, я не желаю создавать авторитета, поскольку если я создам авторитет в вашем уме, я уничтожу всё ваше собственное восприятие истины. Я хочу, чтобы вы вдыхали свежий воздух гор, но если вы ищете во мне авторитета, вы останетесь в своей тёмной долине ограничения. Для вас гораздо легче следовать и слепо поклоняться, чем понимать и таким образом становиться истинно свободными.

Пока я не мог отождествить себя с целью, которая есть Возлюбленный всего, которая — Источник и Конец всего, я не хотел говорить, что я нашёл, и найдя, стал Возлюбленным. Пока я не мог объединиться с вечным, я не мог передать истину другим; пока я не был уверен, что нашёл вечную цель, я не мог назвать себя Учителем. Теперь я нашёл, теперь я утвердил Возлюбленного в себе, теперь Возлюбленный — это я, и я мог бы дать вам истину — не так, чтобы она была воспринята как авторитет, но с пониманием. Не имеет значения, примете вы её или отвергнете. Когда цветок раскрывается и издаёт свой запах, он не заботится о том, восхитится ли прохожий его ароматом.

Я нарисовал свою картину на холсте и хочу, чтобы вы исследовали её критически, а не слепо. Я хочу, чтобы по причине этой картины вы создали новую, для себя. Я хочу, чтобы полюбили картину, не художника, полюбили истину, а не того, кто её приносит. Полюбите себя и тогда вы полюбите всех.

Я хочу быть вашим товарищем в свежести бриза

Чтобы достичь освобождения, нет необходимости присоединяться к какой-либо организации или религии, потому что они ослепляют, ограничивают, они держат вас в определённой форме поклонения и веры. Если вы жаждете свободы, вы будете бороться, как я боролся, против любого вида авторитета, поскольку авторитет есть противоположность духовности.

Если бы я сегодня использовал силу авторитета и вы приняли бы мой авторитет, это бы не сделало вас свободными — вы бы просто следовали свободе другого. Следуя свободе другого, вы ещё крепче привязываете себя к колесу ограничения. Не позволяйте вашему уму или вашему сердцу быть привязанными к чему-либо или кому-либо. Если вы сделаете это, вы установите ещё одну религию, ещё один храм. Разрушая один набор верований, вы установите другой. Я же борюсь против всех традиций, которые связывают, всякого поклонения, которое сужает, всякого следования, которое разрушает сердце. Если вы найдёте ту свободу, к которой мне хотелось бы указать путь, вы начнёте, как и я начал, находится в состоянии бунта, во внутреннем разногласии со всем вокруг вас. Вы часто используете фразу «мы будем слушаться наших лидеров». Кто же ваши лидеры? Я никогда не хотел быть лидером. Я никогда не хотел обладать авторитетом. Я хочу, чтобы вы стали своими собственными лидерами.

Жизнь проста и великолепна, прекрасна и божественна, но вы хотите всю красоту и свежесть восхода и тихой ночи захватить и держать в узком круге для поклонения. Спуститесь на вечерний морской берег, когда дует свежий бриз, все травинки в движении, песчинки летают вокруг, деревья качают своими ветвями, и волны моря разбиваются одна за другой. Вы хотите собрать и заключить всю эту красоту в узкий храм. Вам не потребуется никаких верований, чтобы жить благородно. А сейчас вы говорите: «я должен поклоняться богам, совершат ритуалы, посещать храмы, я должен следовать этому и делать то». Это вечное «должен». Такой способ жизни — вовсе не жизнь.

Что бы вы ни делали, не создавайте ещё один храм вокруг меня: я не буду удерживаться внутри него. Я хочу быть вашим компаньоном в свежести бриза. Я хочу освободить вас от ваших собственных ограничений, поддержать в вас ваше собственное созидание, индивидуальное совершенствование, индивидуальную уникальность. Я может быть очищено и действительно превзойдено только когда оно развило свою собственную уникальность совершенствования; а не когда оно удерживается в ограничениях, связано традициями, формами, и всеми излишними прибамбасами, которые вы считаете такими важными для вашего благоденствия.

Я помню историю, написанную одним норвежцем — герой этого рассказа в поисках свободы и счастья присоединялся к одной религии за другой и покло-

Этот выпуск „Вестника теософии“ полностью посвящён жизни и творчеству индийского философа Джидду Кришнамурти, а точнее — малоизвестным сторонам его жизни и творчества. Приводимая целиком работа М. Латьенс „Мальчик Кришна“ (Mary Lutyens, „The boy Krishna“) рассказывает о малоизученном детстве Кришнамурти, а выдержки из книги А. Саната „Внутренняя жизнь Кришнамурти: личная страсть и извечная мудрость“ (Aryel Sanat „The Inner Life of Krishnamurti: Private Passion and Perennial Wisdom“), выпущенной в 1999 г. издательством Американской секции Теософического Общества „Quest Books“ — о малоизвестных аспектах его духовной жизни, ставящих под вопрос общеизвестную „каноническую“ версию его жизни и учения.

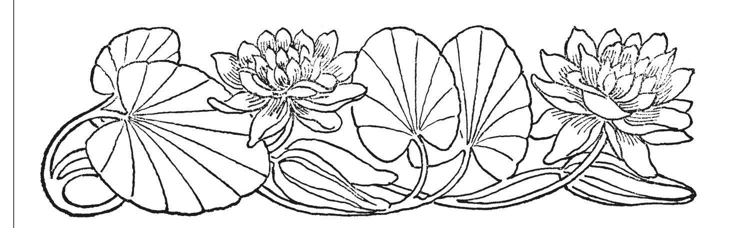
Сама книга содержит более трёхсот страниц и не может быть опубликована в журнале целиком. В заключение приводятся три работы почти забытого периода творчества Кришнамурти — конца 1920-х годов.

нялся одному богу за другим, совершал одну церемонию за другой, и всё же не мог найти, что искал. Со временем он стал буддистом, отбросил своё физическое тело и вступил в нирвану. Он вступает в нирвану книг и видит там всех богов всех религий, сидящими и разговаривающими друг с другом. Они предложили ему вакантное сиденье. Этот герой представляется пламенем, но это пламя не хочет быть захваченным, и пока все боги пытаются поймать его, он исчезает. Боги не могут следовать за ним, потому что даже боги сами привязаны.

Не будьте привязанными ко мне или к кому-либо. Счастье внутри вас.

Я решил сам найти смысл жизни и я нашёл его без помощи авторитета другого. Я вступил в это море освобождения и счастья, в котором нет ограничения или отрицания, потому что это осуществление жизни.

Поскольку после своего длительного путешествия к достижению и совершенству я достиг этого совершенства и утвердил его в своём сердце, и поскольку мой ум спокоен и вечно освобождён в пламени, я хотел бы наделить этим пониманием всех.

Редакция выражает благодарность И. Комарову, Л. Кривич и Н. Славинской за помощь в подготовке номера.

Вестник Теософии (эзотерический альманах). Тираж 150 экз.
Адрес редакции:
Московская область, 143500, а/я 77. E-mail: mto@theosophy.ru